

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ПАТРИЦИЯ
ВЕНТВОРТ

МИСС СИЛЬВЕР
ПРИЕЗЖАЕТ ПОГОСТИТЬ

ГОСТИНИЦА
«ОГНЕННОЕ КОЛЕСО»

**Патриция Вентворт
Мисс Сильвер приезжает
погостить. Гостиница
«Огненное колесо»
Серия «Золотой век
английского детектива»
Серия «Мисс Сильвер (сборник)»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42538997

Мисс Сильвер приезжает погостить. Гостиница «Огненное колесо»:

АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-111043-7

Аннотация

Не успел Джеймс Лесситер вернуться спустя много лет в родной Лентон, чтобы унаследовать семейный особняк, как его нашли с проломленной головой. Было ли это убийство из мести, ради солидного наследства или мотив кроется в чем-то другом? Чем больше показаний и улик собирает полиция, тем шире становится круг подозреваемых. Хорошо, что мисс Сильвер как нельзя кстати приехала навестить подругу и согласилась взяться за расследование...

От старой гостиницы, возвышающейся на скале, веет тайной. «Огненное колесо» – в недалеком прошлом прибежище пиратов и контрабандистов – теперь становится ареной неожиданного убийства. Станным образом собравшиеся здесь потомки покойного хозяина гостиницы в шоке, полиция в тупике, и только мисс Мод Сильвер способна пролить свет на это загадочное преступление.

Содержание

Мисс Сильвер приезжает погостить	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	39
Глава 6	46
Глава 7	57
Глава 8	63
Глава 9	69
Глава 10	79
Глава 11	84
Глава 12	92
Глава 13	109
Глава 14	113
Глава 15	119
Глава 16	128
Глава 17	134
Глава 18	145
Глава 19	153
Глава 20	159
Глава 21	166
Глава 22	171

Глава 23	174
Глава 24	181
Глава 25	188
Конец ознакомительного фрагмента.	193

**Патриция Вентворт
Мисс Сильвер приезжает
погостить. Гостиница
«Огненное колесо»**

Patricia Wentworth

**MISS SILVER COMES TO STAY THE CATHERINE
WHEEL**

© Patricia Wentworth, 1949, 1951

© Перевод. О. Постникова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Мисс Сильвер приезжает погостить

Глава 1

Мария Стюарт писала: «В моем конце – мое начало»¹. Проще согласиться с ней, чем решить, что является началом, а что концом. Когда мисс Сильвер приехала в Меллинг в гости к давней школьной подруге, она оказалась вовлечена в историю, которая началась задолго до того, и чей конец был еще совершенно неизвестен, ибо то, что произошло вчера, непременно влияет на день сегодняшней и задает направление дню завтрашнему. Разумеется, следовать этому направлению не обязательно, но иногда это проще, а простота всегда искушает.

Так где же начинается эта история? Двадцать пять лет назад, когда две юные девицы отправились на танцы и познакомились с одним и тем же юношей? Светловолосая Кэтрин Ли и темноволосая Генриетта Крэй, Кэтрин и Рьетта, дальние родственницы, одноклассницы и закадычные подруги;

¹ «En ma fin est mon commencement» (*фр.*) – девиз на тронном балдахине Марии Стюарт, собственноручно вышитый ею в английском плену. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

им было по восемнадцать, а Джеймсу Теодульфу Лесситеру едва исполнился двадцать один. Может быть, эта история началась тогда; а может быть, еще раньше, когда три поколения Лесситеров брали от жизни что пожелают и платили за это постоянно уменьшающимися капиталами, пока последнему из них осталось лишь захудалое поместье, запущенный старый дом и врожденное убеждение, что ему принадлежит весь мир.

Возможно, эта история началась тогда; а может, чуть позже, когда больше всего на свете Джеймс Лесситер возжелал заполучить Риетту Крэй. Так он ей и сказал в свете майской луны, среди фруктовых деревьев в саду Меллинг-Хауса, когда ей было девятнадцать, а ему двадцать два. Она рассказала об этом Кэтрин, и та посочувствовала: «Ты же знаешь, дорогая, что у него совсем нет денег и тетя Милдред будет вне себя». Миссис Лесситер была тетей Милдред для обеих девушек на основании долгого знакомства и дальних родственных связей. Однако, несмотря на это, любая из них стала бы весьма нежеланной невесткой. Оставшиеся же небольшие семейные деньги Милдред Лесситер крепко держала в своих руках; Джеймс не мог даже пальцем их тронуть. Он отправился в большой мир, чтобы сколотить состояние – с большими надеждами и настроением завоевателя. В двадцать три года Кэтрин вышла замуж за Эдварда Уэлби и уехала из Меллинга, а Риетта осталась на прежнем месте, чтобы ухаживать за матерью-инвалидом и растить сына своей сест-

ры, Карра Робертсона, поскольку Маргарет с мужем жила в Индии. Там Маргарет и умерла, а майор Робертсон, выждав приличествующий срок, снова женился. Он посылал Карру деньги на учебу, но домой не возвращался и постепенно перестал писать. Он умер, когда Карру было пятнадцать.

Может быть, эта история началась тогда, когда Карр был обижен на мир, который прекрасно обходился без него. А может, она началась, когда Кэтрин Уэлби вернулась в Меллинг бездетной вдовой. Милдред Лесситер была еще жива. Кэтрин отправилась к ней, хорошенько поплакала, и та предложила ей Гейт-Хаус за символическую арендную плату.

– Домик очень миленький, Риетта, весь увит прелестными мелкими розами. И жить на землях Меллинг-Хауса – это так приятно, ты не находишь? Тетя Милдред сказала, что Александр сможет заниматься моим садом вместе со всем остальным. Она очень, очень добра! Я смогу почти ничего не тратить, и это очень кстати, потому что денег у меня будет немного, когда все устроится. То, что дела Эдварда были в таком состоянии, оказалось для меня большим потрясением. Знаешь, когда привыкнешь иметь все, трудно опуститься до того, чтобы считать гроши, ведь правда?

Риетта взглянула на нее со странной мимолетной улыбкой.

– Не знаю, Кэти. Но, видишь ли, я-то никогда не имела... – она намеренно сделала паузу и закончила: – ... всего.

Через пятнадцать лет после этих событий мисс Сильвер

приехала навестить свою давнюю подругу миссис Войси.

Глава 2

Когда поезд остановился на станции в Лентоне, мисс Мод Сильвер убрала во вместительную дамскую сумочку вязание и кошелек, из которого предварительно достала билет, сошла на платформу с неудобной высокой ступеньки вагона и осмотрелась в поисках носильщика и миссис Войси. Больше всего, разумеется, ее занимал вопрос, узнает ли она подружку после стольких лет, ведь годы легко могли стереть всякое сходство с девушкой, которую она помнила. Сисси Кристофер стала Сесилией Войси, и подруги, некогда учившиеся в одной школе, были теперь пожилыми дамами.

Мисс Сильвер считала, что сама она не сильно изменилась. Задумчиво рассматривая в то утро фотографию, сделанную, когда она окончила школу и намеревалась поступить гувернанткой на свое первое место, она сочла, что даже после стольких лет изменилась она несильно. Сейчас в ее волосах блестела седина, но их природный мышинный цвет все же преобладал, и возможно, будет преобладать до самого конца. Прическу она делала все ту же – челку плотно прижимала вуаль. Черты ее лица не изменились; бледная гладкая кожа увяла, но не утратила ни бледности, ни гладкости. Что касается одежды, то она была другая, но в прежнем стиле: черное пальто, верно служившее ей пятый год, и меховая горжетка, которая за прошедшие десять лет постарела,

поблекла и поредела, но до сих пор была такой удобной и уютной. Она даже летом никуда без нее не выезжала, так как богатый опыт подсказывал ей, что погода в деревне может за одну ночь стать чрезвычайно холодной и ветреной. Шляпка почти в точности повторяла ту, что на фотографии, с большим количеством бантиков сзади и букетиком незабудок и анютиных глазок слева. Эти неизменные приметы того, что мисс Сильвер считала хорошим вкусом, должны были облегчить подруге задачу узнать ее. Но Сисси Кристофер... если честно, с Сисси Кристофер могло произойти что угодно. Из прошлого возникло видение: крупная, костлявая девица, которая всюду совала свой нос, болтушка с огромными ступнями.

Глядя на платформу, мисс Сильвер тряхнула головой и отмахнулась от видения из прошлого, так как к ней приближалась массивная фигура в костюме из плотного клетчатого твида и потрепанной шляпке, сдвинутой на затылок. Это была не Сисси Кристофер, исчезнувшая много лет назад, а, несомненно, Сесилия Войси – румяная, шумная, сердечная и готовая оказать гостю самый радушный прием.

Не успела мисс Сильвер понять, что происходит, как Сесилия ее расцеловала.

– Мод! Я бы тебя где угодно узнала! Ну, мы обе, конечно, стали старше на несколько лет – не будем говорить, на сколько. Не то чтоб меня это сильно заботило; я всегда говорю, что пожилой возраст – лучшее время в жизни. Поза-

ди всякая утомительная ерунда вроде влюбленностей и желания узнать, что с тобой будет; есть друзья, жизнь устроена и идет весьма приятно. Эй, Хокинс! – Она схватила за рукав проходящего мимо носильщика. – У этой дамы есть багаж. Скажи ему, который чемодан твой, Мод, он принесет его к машине.

Когда они отъехали от станции в маленькой машинке, которая казалась слишком тесной для своей владелицы, миссис Войси громко выразила свое удовольствие от того, что долгожданная встреча наконец состоялась.

– Я дни считала – совсем как раньше, когда учебный год близился к концу. Странно, что мы потеряли друг друга из виду на все эти годы, но ты ведь знаешь, как бывает: клянешься в вечной дружбе, сначала пишешь письма пачками, потом пишешь уже не так часто, а потом вовсе перестаешь писать. Все вокруг новое, знакомишься с разными людьми. А потом я ведь уехала в Индию и вышла замуж. Я была не очень-то счастлива, хотя полагаю, виновата в этом главным образом я сама. Если бы повторить все сначала, чего я ни за что на свете не хотела бы, я бы, наверное, справилась гораздо лучше. Но как бы то ни было, все это в прошлом. Бедняга Джон уже почти двадцать лет как умер, а до того мы с ним жили раздельно. Один из дядьев завещал мне немного денег, так что я смогла уйти от мужа и с тех самых пор живу в Меллинге. Если помнишь, мой отец был тут пастором, так что я всегда чувствовала себя здесь как дома. Он прожил

всего год после моего возвращения. У меня свой собственный дом, и мне в нем отлично живется. А ты? Ты ведь начинала работать гувернанткой, что же заставило тебя стать детективом? Знаешь, когда я встретила со своей дальней родственницей Алвинией Грэй и она рассказала мне о тебе и о том жутком убийстве той женщины с сережками, я сперва подумала, что это никак не можешь быть ты. А потом она тебя описала, и я подумала, что, возможно, это ты и есть, и написала тебе, и вот ты здесь! Но ты так и не сказала мне, что заставило тебя этим заняться – то есть стать детективом.

Что бы ни изменилось за долгие годы, Сесилия Войси была все той же болтушкой Сисси Кристофер. Мисс Сильвер чопорно кашлянула.

– Трудно сказать... стечение обстоятельств. Полагаю, мне суждено было этим заняться, и мой учительский опыт оказался весьма ценным.

– Ты непременно должна мне все-все рассказать, – с воодушевлением сказала миссис Войси.

Тут ей пришлось тесно прижаться к обочине, чтобы не наехать на двух молодых людей, стоявших у живой изгороди с противоположной стороны узкой дороги. Мисс Сильвер посмотрела на них с интересом: девушка в алом костюме и высокий молодой человек в широких серых фланелевых брюках и свободном твидовом пиджаке. Девушка была весьма хороша собой, даже слишком. Она странно смотрелась на сельской дороге в осенний день: развевающиеся одежды, во-

лосы цвета бледного золота, ухоженное лицо. У юноши вид был мрачный и измученный.

Миссис Войси махнула рукой из окна машины, проезжая мимо них, и объяснила:

– Карр Робертсон. Приехал навестить свою тетю Риетту Крэй, которая его вырастила. Девушка тоже гостит у нее. Он просто привез ее, даже разрешения не спросил, представляешь! По крайней мере, так сказала Кэтрин Уэлби, а она, кажется, всегда знает обо всех делах Риетты. Ну и манеры нынче! Представляю, что сказал бы мой отец, если бы один из моих братьев просто вошел бы и сказал: «Это Фэнси Белл».

– Фэнси?

– Он ее так называет. Кажется, ее зовут Фрэнсис. И полагаю, мы еще узнаем, что они помолвлены, а то и женаты! – Она от души рассмеялась. – А может, и нет, никогда нельзя знать наверняка. Можно было бы подумать, что, обжегшись на молоке, он на воду станет дуть. Карр ведь уже был женат – на одной взбалмошной блондинке. Она сбежала с другим и вскоре умерла. Прошло всего два года, и тот случай должен был бы научить его осторожности.

– Она очень красива, – мягко заметила мисс Сильвер.

Миссис Войси фыркнула в той же манере, за которую ее так часто бранили в школе.

– У мужчин нет ни капли здравого смысла, – провозгласила она.

Узкая дорога вывела их к типичному сельскому пейза-

жу: деревенский луг, пруд с утками; церковь со старым кладбищем; дом приходского священника; сельская гостиница с раскачивающейся вывеской, на которой был изображен пшеничный сноп, некогда золотистый, но теперь почти слившийся с блеклым фоном; столбы и сторожка у въезда к большому дому; ряд коттеджей с садиками, в которых еще ярко цвели подсолнухи, флоксы и астры.

– Мой дом вон там, на противоположной стороне луга, – сняв руку с руля, показала миссис Войси. – Рядом с церковью – дом приходского священника; слишком уж велик для мистера Энджера. Он холост, хозяйство ведет его сестра. Мне она не нравится и никогда не нравилась, хотя не могу сказать, что она не приносит пользы в деревне. Он хотел жениться на Рiette Крэй, но она ему отказала; не знаю, почему – человек он очень приятный. А вон там – дом Рiette, вон тот, маленький, белый, с живой изгородью. Ее отец был местным врачом, очень уважаемым. А аллея, что идет от тех двух столбов, ведет в Меллинг-Хаус. Он принадлежит Лесситерам, но старая миссис Лесситер умерла несколько лет назад, а сын ее не появлялся тут больше двадцати лет, даже на похороны матери не приехал; она умерла во время войны, и его в тот момент не было в Англии. Он был помолвлен с Рiette, но из этого ничего не вышло; это сейчас он богат, а тогда у них не было денег; так что был обычный роман, какие случаются у молодых. Однако ни он, ни она не завели семью, и теперь нам всем ужасно интересно, что будет, потому что

он недавно вернулся. Столько лет прошло! Конечно, вряд ли из этого что-то выйдет, но в деревне делами соседей не интересуется только мертвый.

Тут мисс Сильвер сказала то, что от нее ожидалось: что люди всегда интересуются делами друг друга. Миссис Войси сбросила скорость, чтобы объехать собаку.

– Кыш отсюда, Ровер! Нельзя копать посреди дороги! – Она обернулась к мисс Сильвер. – Однажды его точно кто-нибудь задавит; надеюсь, это буду не я. – Она снова стала показывать. – Кэтрин Уэлби живет в сторожке Меллинг-Хауса, вон там, прямо за столбами. Дом называют Гейт-Хаус, но на самом деле это просто хорошая сторожка. Она приходится Лесситерам родней; это очень удобно, потому что она почти ничего не платит за дом и к тому же может собирать фрукты и овощи в саду и огороде. Надеюсь, Джеймс Лесситер не выставит ее, потому что если он это сделает, то идти ей совершенно некуда.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Она ограничена в средствах?

Миссис Войси энергично кивнула.

– Скорее, у нее почти нет средств, хотя, глядя на нее, никогда так не подумаешь. Я приглашу ее на чай, и ты сама увидишь. Она все еще красива, хотя мне лично всегда больше нравилась Риегта. Они одногодки, обеим сорок три, но сейчас никто не обращает внимания на возраст. Кремы, пудры, умывания, помада, перманентная завивка – по правде гово-

ря, пока сохраняешь фигуру, можно сказать, возраст вообще незаметен. Кэтрин больше тридцати не дашь. Конечно, если растолстеешь, как я, то выходишь из игры; но мне-то все равно, все эти глупости не для меня. Ну вот мы и приехали.

Сказав это, она свернула на неширокую аллею, ведущую к небольшому дому. По обеим сторонам от парадной двери располагались цветущие клумбы с алой геранью и ярко-синей лобелией. Красные кирпичные стены не уступали в яркости цветам. Несмотря на то что дом уже двадцать лет подвергался воздействию стихий, выглядел он так, словно его только что построили, – свежая изумрудно-зеленая краска, сверкающий дверной молоток и опрятный вид в целом. На фоне остальной деревни он выделялся, словно лоскут розовой фланели на старой поблекшей парче. Однако такое сравнение не пришло бы в голову мисс Сильвер, которая не любила раннеанглийскую архитектуру жилых домов: «такие темные, такие неудобные и частенько полная антисанитария». Она сочла Стейплхерст-Лодж очень удобным жилищем и была рада и тронута, когда давняя подруга взяла ее под руку, нежно прижала к себе и сказала:

– Вот он, мой домик. Надеюсь, тебе понравится в нем гостить.

Глава 3

Кэтрин Уэлби вышла из Гейт-Хауса, прошла между столбов, отмечавших въезд в Меллинг-Хаус, и пошла по тропинке к Белому коттеджу. Несмотря на то что стоял поздний сентябрь, трава по обеим сторонам тропинки все еще зеленела. Хватило бы одного взгляда на нее, чтобы понять, каким было лето, однако сегодня погода была ясная и такая теплая, что Кэтрин даже стало жарковато в жакете и юбке из светло-серой фланели, которая подчеркивала светлый тон ее кожи и ярко-рыжее золото волос. Как сказала миссис Войси, она была очень красива, со стройной фигурой и глазами того же глубокого синего цвета, что и в восемнадцать лет. Но кроме красоты, в ней было кое-что гораздо более необычное: что бы она ни надела, это идеально подходило и к ее внешности, и к случаю. Волосы всегда были уложены красивыми волнами, и прическа никогда не выглядела ни слишком официально, ни небрежно.

Она открыла низкую белую калитку и прошла по выложенной квадратными плитами дорожке, толкнула переднюю дверь мисс Крэй и позвала:

– Риетта!

В гостиной Риетта Крэй слегка нахмурилась, отчего стала похожа на своего племянника, и откликнулась:

– Я здесь. Входи!

Если она кого и не хотела сейчас видеть, так это Кэтрин Уэлби. Собственно, она вообще никого не хотела видеть, но, когда живешь в деревне, это бесполезно: видеть людей просто приходится. Она ясно понимала, что возвращение Джеймса Лесситера заставило всех вспомнить, что они когда-то были помолвлены. И теперь всем интересно, как они будут выглядеть, что будут чувствовать и что скажут друг другу при встрече. Двадцать лет – долгий срок, но недостаточно долгий, чтобы жители деревни о чем-то позабыли.

Она не встала, когда Кэтрин вошла в комнату, и продолжала сидеть, склонившись над столом, за которым кроила детское платье из остатков отреза ткани. Она слишком давно знала Кэтрин, чтобы беспокоиться о приличиях; а если та поймет намек и решит, что Риегта слишком занята, – что ж, тем лучше. Она отрезала ножницами последний кусок ткани и лишь потом подняла взгляд на Кэтрин, которая закуривала сигарету.

– Ты, похоже, очень занята, Риегта. Одежда для бедных?

Риегта снова нахмурилась. Станным образом это заставило правильные черты ее смуглого лица выглядеть моложе. Никто никогда не называл Риегту красивой; для этого у нее был слишком суровый тип внешности. «Афина Паллада с чертами Горгоны», как однажды сказал один из друзей Джеймса Лесситера, получив от нее от ворот поворот. Но бывали моменты – чаще всего мимолетные и бурные, – когда она была красива. У нее были темные волосы, серые глаза с

красивыми ресницами, фигура греческой статуи и несколько резкая манера общения.

– Что такое? – спросила она, подняв глаза.

Кэтрин устроилась поудобнее на сиденье у окна.

– Ну же, Риегта! Ты ведь знаешь, что шитье – это не твое занятие, оно всегда приводит тебя в дурное настроение. Ты должна быть мне благодарна за то, что я пришла и отвлекла тебя.

– А я не буду. Мне нужно закончить.

Кэтрин помахала сигаретой.

– Я тебя не останавливаю, дорогая, продолжай скалывать детали. Я просто решила зайти и спросить, видела ли ты Джеймса.

На этот раз Риегта не позволила себе нахмуриться. На мгновение ее охватил неистовый гнев, потому что именно это все в Меллинге хотели сейчас знать. Она ответила бесцветным голосом, который был признаком гнева:

– Нет. Зачем?

– Не знаю, может, вы встретились. Я ведь тоже его еще не видела, но он и приехал только вчера вечером. Интересно, какой он сейчас и так ли изменился, как мы с тобой. Знаешь, Риегта, если бы ты хоть немножко постаралась, ты могла бы выглядеть... ну, на тридцать четыре.

– А я вовсе не хочу выглядеть на тридцать четыре.

Кэтрин широко распахнула темно-синие глаза.

– Зачем говорить такие глупости? Чего тебе не достает,

так это румянца – тебе всегда его не хватало, а еще – более мягкого выражения лица. Тебе нужно потренироваться перед зеркалом.

Губы Риетты дернулись. От общества Кэтрин она могла получать и удовольствие. Она представила, как тренируется перед зеркалом придавать лицу мягкое выражение, и успокоилась.

– Можем потренироваться вместе, – сказала она.

Кэтрин выпустила легкое облачко дыма.

– Ну вот, теперь ты надо мной смеешься. А когда я сюда вошла, то подумала, что ты станешь на меня браниться. Вот интересно, Джеймс растолстел? Будет жаль, если так – он был такой красавчик. Вы с ним были очень красивой парой, правда; только, конечно, он должен был влюбиться в какую-нибудь светловолосую девушку вроде меня. Знаешь, с моей стороны ведь было очень любезно не пытаться увести его у тебя.

Риетта Крэй подняла свои красивые серые глаза и позволила им на секунду задержаться на Кэтрин. Поскольку обе они отлично знали, что Кэтрин пыталась увести Джеймса и потерпела неудачу, то говорить об этом, казалось, больше незачем. Поэтому Риетта промолчала и через мгновение снова принялась скалывать детали маленького розового платья.

Кэтрин дружески рассмеялась и вернулась к обсуждению Джеймса Лесситера.

– Даже не знаю, что хуже – располнеть или стать тощим. Джеймсу сейчас должно быть сорок пять.

Она затянулась сигаретой и добавила:

– Сегодня вечером он придет ко мне выпить кофе. Приходи и ты тоже.

– Нет, спасибо.

– Приходи. Тебе ведь все равно придется с ним встретиться. Так сделай это в дружеской обстановке, когда будешь прекрасно выглядеть, вместо того чтобы случайно столкнуться с ним с мокрыми от дождя волосами или в присутствии половины деревни, желающей увидеть, как ты это воспримешь.

На мгновение на лице Риетты Крэй появился несвойственный ей румянец: от гнева, который она мгновенно сдержала, на ее щеках выступили алые пятна. Она ответила:

– Мы не школьницы, и воспринимать тут нечего. Если Джеймс будет здесь, мы, естественно, встретимся. Но я буду сильно удивлена, если он задержится надолго. Меллинг покажется ему очень скучным.

– Он заработал много денег, – сказала Кэтрин задумчиво. – Слушай, Риетта, перестань важничать! Это ведь так хорошо, что Меллинг-Хаус снова станет открытым домом, и, в конце концов, ты и я – самые давние друзья Джеймса. Возвращение в пустой дом вряд ли доставило ему удовольствие. Я в самом деле думаю, что мы должны оказать ему хоть какое-то гостеприимство. Приходи на кофе сегодня вечером!

Риетта посмотрела на нее прямо. Для Кэтрин было бы го-

раздо естественнее желать остаться с Джеймсом наедине и никому не говорить об этом. Она что-то задумала, и, без сомнения, тот кот, которого она пытается утаить в мешке, скоро выскочит наружу. Вернее – зная Кэтрин, – это скорее всего будет даже не кот, а котенок, с блестящей шелковистой шерсткой и усами, испачканными в сливках. Только вот в мешках не бывает сливок, да и в других местах послевоенного мира их тоже не найдешь. Рietta промолчала, лишь посмотрела на Кэтрин и позволила себе слегка улыбнуться, чтобы та поняла, что номер не прошел.

Ей это лишь показалось за легким облаком сигаретного дыма или под аккуратно нанесенными румянами и правда появился настоящий румянец? Кэтрин Уэлби грациозно и неторопливо поднялась.

– Словом, если сможешь, приходи, – сказала она.

Дойдя до двери, она обернулась и спросила:

– Карр гуляет?

– Они с Фэнси отправились в Лентон.

Кэтрин Уэлби рассмеялась.

– Он собирается на ней жениться?

– Не советую его об этом спрашивать. Я не спрашиваю.

– Он сделает большую глупость, если женится на ней. Она слишком похожа на Марджори. Будет точно такая же история.

– Ты не имеешь права так говорить.

Кэтрин послала ей воздушный поцелуй.

– Ты напрасно тратишь время, относясь ко мне пренебрежительно; после стольких лет ты должна бы это понимать. Я просто рассуждаю исходя из здравого смысла, а тебе тоже не мешало бы воспользоваться им и отговорить его от этой затеи, если не хочешь еще одной катастрофы. Думаю, она его доконает. Он так и не выяснил, с кем сбежала Марджори?

– Нет.

– Что ж, умерев, она избавила всех от проблем. Ведь после того, как она все потеряла и вернулась к нему, а он ее принял, да еще и ухаживал за ней во время болезни, он не мог потребовать развода, правда? Смерть стала единственным проявлением такта с ее стороны, но и это окажется напрасным, если он наступит на те же грабли. Ну, до встречи.

Глава 4

Фэнси Белл искоса взглянула из-под длинных ресниц на своего мрачного спутника. С легким вздохом она вернулась к гораздо более приятному зрелищу – отражению своего очаровательного лица и фигуры в зеркале, стоявшем в витрине ателье. Этот алый цвет выглядит несколько дерзко – пан или пропал, как говорится, но, судя по тому, как каждый встречный мужчина глядел на нее, а потом оборачивался вслед, это был вполне себе успешный выбор цвета. Она и Карр представляли собой великолепный контраст. Карр был очень хорош собой, никто не стал бы этого отрицать. И конечно, только рядом с таким смуглым и темноволосым мужчиной светловолосая девушка может выглядеть еще более прекрасной. А еще он был очень милый, вот только ей было бы гораздо легче, если бы он хоть иногда улыбался и давал понять, что ему нравится ее общество. Но, разумеется, нельзя иметь все и сразу.

За красивым фасадом ее внешности скрывался жесткий каркас здравого смысла. Нельзя иметь всего, так что нужно решить, чего ты хочешь больше всего на свете. Богатые молодые люди приглашали ее провести с ними выходные. Она не была девушкой такого сорта и давала им это понять; она не желала их обидеть, а они и не обижались, но второй попытки, как правило, не предпринимали. Карьера хористки

и танцовщицы была сама по себе неплоха, но она не могла продолжаться вечно. Разумная половина ее личности – Фрэнсис – ждала, что Фэнси даст ей шанс устроить свою жизнь, при этом она точно знала, чего хочет: подняться по социальной лестнице, но при этом не настолько, чтобы родня мужа смотрела на нее свысока; достаточно денег, чтобы иметь миленький домик и детей – скажем, троих; и помощница по дому для тяжелой работы, потому что ей нельзя опускаться, да и руки свои она всегда берегла. Конечно, ей самой тоже придется много чего делать, особенно после рождения детей, но против этого она не возражала. Она все спланировала и теперь раздумывала, подойдет ли Карр на главную мужскую роль в ее частной пьесе. У него есть работа и небольшой личный доход, а Фэнси было бы легко полюбить его, однако Фрэнсис не собиралась позволить ей совершить какую-нибудь глупость.

Она потянула его за рукав.

– Вот парикмахерская, в которую ходит миссис Уэлби. Я пробуду там час, если ты найдешь, чем заняться в это время. Ты уверен, что не заскучаешь?

– О да, – ответил он безразличным голосом.

– Хорошо. А потом мы выпьем чаю. Пока!

Со странным чувством облегчения он смотрел, как она уходит. Целый час никто ничего не будет от него ждать. Ему не придется говорить, оказывать знаки внимания или воздерживаться от них. Это было похоже на чувство, с которым

провожаешь гостей. Их приход был желанным, общество – приятным, но есть что-то особенное в том, когда весь дом снова в твоём распоряжении. Только вот когда это случилось, всегда был шанс, что долгожданное одиночество будет нарушено не нашедшим покоя призраком; он услышит шаги Марджори на лестнице, её смех и слезы, её слабеющий голос: «Нет, нет, я никогда не скажу тебе его имя; я не хочу, чтобы ты убил его. Нет, Карр, нет!»

В его мысли ворвался настоящий голос. Он нервно нахмурился, сразу став похожим на Рьетту, поднял глаза и увидел благожелательно глядевшего на него мистера Холдернесса. Благожелательность мистера Холдернесса, который подарил ему в детстве монету, была одним из самых ранних воспоминаний Карра. Насколько он мог заметить, мистер Холдернесс несколько не изменился: горделивая осанка, цветущий вид, добрый взгляд и глубокий выразительный голос. Все это наводило на мысль о восемнадцатом веке, из которого его кабинет с георгианскими панелями так и не выбрался. Тогда это была адвокатская фирма – или, по-старомодному, контора стряпчих, где чтят традиции. Он хлопнул Карра по плечу и спросил, надолго ли тот приехал.

– Рьетта будет рада, что ты здесь. Как она? Надеюсь, не слишком много работает. В последний раз, когда мы виделись, выглядела она переутомившейся. Она сказала, что некому помогать ей в саду.

– Да, от овощей ей пришлось отказаться. В доме ей тоже

некому помочь, только миссис Феллоу приходит дважды в неделю на пару часов. Я думаю, что она и правда слишком много работает.

– Заботься о ней, мой мальчик, береги ее. Хороших людей мало, а она сама не станет себя беречь; женщины никогда этого не делают. Между нами говоря, они обладают всеми добродетелями, кроме здравого смысла. Только не передавай ей мои слова. Свидетелей нет, так что я буду все отрицать! – Он рассмеялся приятным звучным смехом. – Ну что ж, нечего мне стоять тут и сплетничать. Я весь день провел в суде и должен еще зайти в контору. Кстати, я слышал, что Джеймс Лесситер вернулся. Ты его видел?

Дернув губами, Карр улыбнулся так же быстро и нервно, как перед тем нахмурился.

– Я его ни разу в жизни не видел. Он исчез с горизонта прежде, чем я появился в Меллинге.

– Да, да, верно, так и есть. А теперь он вернулся богачом. Приятно хоть иногда встретить кого-то, кто добился успеха, очень приятно. Вы еще не видели его после возвращения?

– Думаю, его никто не видел. Вообще-то он вроде приехал только вчера вечером. Миссис Феллоу была там, помогала чете Мэйхью.

– Ах, да, кухарка и дворецкий миссис Лесситер, очень достойные люди. Мистер Мэйхью каждую неделю приходит к нам в контору за зарплатой. От него я и узнал, что ожидается приезд Джеймса. Полагаю, он мне скоро позвонит. Его не

было в стране, когда его мать умерла, так что пришлось похлопотать. Что ж, до свидания, мой мальчик. Рад был тебя видеть.

Он пошел дальше. Карр глядел ему вслед и чувствовал, что эта встреча изменила его настроение. Было время, когда мир еще не испытывал потрясений. Старый Холдернесс принадлежал тому времени, можно даже сказать, олицетворял его. Жизнь была безопасной, обстоятельства – стабильными. У него были друзья, с которыми он вместе вырос, друзья по школе и по колледжу. Учебные четверти следовали одна за другой, с яркими перерывами на каникулы. Монетки в полкроны копились, превращаясь в десять шиллингов, потом в фунт. На восемнадцатилетие Генри Эйнджер подарил ему пять фунтов, а Элизабет Мур – старинную картину с изображением корабля. Эта картина вызывала в нем романтические чувства с той самой минуты, как он увидел ее висящей в темном углу антикварной лавки дяди Элизабет. Странно бывает – холст и немного масляных красок могут стать волшебным окном. Он представлял себе, как волшебные волны несут его под этими парусами в жизнь...

Поддавшись внезапному порыву, он пошел по улице, повернул налево и оказался перед витриной лавки Джонатана Мура. В витрине стоял прекрасный набор красно-белых шахмат из слоновой кости в костюмах маньчжуров и китайцев – война, принявшая облик игры. Он рассматривал фигуры, восхищаясь изысканной и точной резьбой, а в душе

его кипела злость. Затем он внезапно выпрямился, толкнул дверь и вошел в лавку. Звякнул дверной колокольчик, и навстречу ему вышла Элизабет. Злость тут же исчезла.

– Карр!

Они стояли и глядели друг на друга. Лишь на одно мгновение ему удалось посмотреть на нее как на незнакомку, потому что, хоть они и не виделись почти пять лет, он знал ее всю свою жизнь. Но в это краткое мгновение он увидел ее словно впервые: высокая и легкая, будто идущая навстречу ветру, каштановые волосы откинута со лба, живость в ярких глазах и трепетная улыбка. Впечатление было такое, словно она вот-вот радостно сорвется с места, взлетит, исчезнет, станет недостижимой; и само это впечатление было слишком мимолетным, чтобы превратиться в осознанную мысль. Она заговорила первой; ему всегда нравился ее голос – красивый, звонкий, очень серьезный и добрый.

– Карр! Какой приятный сюрприз! Давненько мы не виделись, верно?

– Миллион лет, – ответил он, сам не понимая, почему так сказал. Но когда говоришь с Элизабет, неважно, что именно ты сказал, – так было всегда.

Она протянула руку, но не для того, чтобы его коснуться – давно знакомый жест.

– Неужели так долго? Бедняжка! Давай, проходи, поболтаем. Дядя Джонатан уехал на распродажу.

Он проследовал за ней в маленькую комнату позади лав-

ки: потертые удобные кресла, старомодные бархатные шторы, захламленный стол Джонатана Мура. Элизабет закрыла дверь. Они словно оказались в далеком прошлом. Она открыла буфет, порылась в нем и достала пакет карамелек.

– Ты все еще их любишь? Думаю, да. Если по-настоящему любишь что-то, то будешь любить всегда, ты согласен?

– Не знаю.

– А я знаю, я совершенно в этом уверена, – она рассмеялась. – Что бы ни происходило, я всегда буду любить карамельки. И я всегда буду благодарна за то, что могу их есть, не набирая ни грамма лишнего веса. Вот, пусть пакет будет между нами, и мы оба сможем таскать оттуда конфеты, как раньше.

Карр тоже рассмеялся, и все его внутреннее напряжение исчезло. Прийти к Элизабет означало ускользнуть в такое привычное и удобное место, где даже думать ни о чем не нужно. Словно старое пальто, старые туфли, старый друг – неромантичные, непрехотливые и весьма успокаивающие вещи.

– Не слишком рано для чая? Я приготовлю... – спросила она и увидела, как он снова нахмурился.

– Нет. Со мной Фэнси – Фрэнсис Белл. Мы гостим у Ригетты. Она пошла к Харди сделать прическу и, когда выйдет оттуда, хотела выпить чаю.

Ясные глаза Элизабет задумчиво остановились на его лице.

– Не хочешь привести ее сюда? У меня есть кекс по совершенно новому рецепту.

– Хочу.

Элизабет кивнула.

– Прекрасно. Тогда мы можем просто посидеть и поговорить. Расскажи мне о ней. Она твоя подруга?

– Нет.

Он не собирался этого говорить, но едва сказав, подумал: «Боже, это же правда!» Во что он вляпался и насколько сильно? Как если бы он ходил во сне, а потом внезапно проснулся и увидел, что одна нога зависла над пропастью.

– Расскажи о ней, Карр. Какая она?

На его лице вновь появилось измученное выражение.

– Она похожа на Марджори.

– Я видела Марджори только один раз. Она была очень красива.

Сказано это было без злости, однако оба помнили эту встречу, потому что именно после нее Элизабет спросила: «Ты влюблен в нее, Карр?» Они тогда сидели вдвоем в этой самой комнате, и когда он посмотрел в сторону, не в силах встретиться с ней взглядом, она сняла помолвочное кольцо и положила на подлокотник кресла между ними. Он продолжал молчать, и тогда она вышла через дальнюю дверь и поднялась по старой лестнице в свою комнату наверху. И он позволил ей уйти.

Это было пять лет назад, но казалось, случилось лишь вче-

ра.

– Почему ты дала мне уйти?

– Как я могла тебя удержать?

– Ты и не пыталась.

– Нет, не пыталась. Я не хотела удерживать тебя, раз ты хотел уйти.

Он промолчал, потому что не мог сказать: «Я не хотел уходить». Он знал Элизабет всю свою жизнь, а Марджори – каких-то три недели. Когда тебе двадцать три, романтичным кажется все новое, неизведанное и неожиданное. И если при ближайшем рассмотрении далекий чарующий пейзаж превращается в пустыню, виноват в этом только ты сам. Марджори не стала другой; ему всегда приходилось себе об этом напоминать.

Он наклонился вперед, зажав руки между коленями, и заговорил сначала прерывисто, а потом торопливо.

– Знаешь, она не виновата. Жизнь со мной была ужасна... И ребенок умер... У нее ничего не осталось. Денег не хватало. Она ведь привыкла весело проводить время, чтобы вокруг было много людей. Я ничего не смог предложить ей взамен. Квартира была очень тесная, она терпеть ее не могла. Меня вечно не было дома, а когда был дома, то в отвратительном настроении. Ее не за что винить.

– Что произошло, Карр?

– Меня отправили в Германию. Демобилизовался я только в конце того года. Она никогда не писала много, а потом и

вовсе перестала. Я получил отпуск, вернулся домой и застал в квартире чужих людей. Она ее сдала. Никто не знал, где она. Когда я вернулся окончательно, я попытался отыскать ее. Я снова поселился в той же квартире, потому что надо же мне было где-то жить, и получил работу в литературном агентстве. Его основал один мой друг, Джек Смизерс. Помнишь, он учился со мной в Оксфорде? Он был ранен во время войны, и его демобилизовали до того, как стало совсем страшно.

– А потом?

На мгновение он поднял глаза на Элизабет.

– Мне почему-то казалась, что она может вернуться. И она вернулась. Была очень холодная январская ночь. Я пришел домой чуть за полночь и увидел, что она, скорчившись, сидит на диване. Она, должно быть, сильно замерзла, потому что на ней не было пальто, только костюм из тонкой ткани. Она взяла в спальне пуховое одеяло, зажгла электрический камин, и к моему приходу у нее поднялась высоченная температура. Я вызвал врача, но у нее уже не было никаких шансов. Тот мерзавец, с которым она сбежала, бросил ее без гроша во Франции. Она продала все, чтобы вернуться домой. Она рассказала мне об этом, но не назвала его имя. Сказала, что не хочет, чтобы я его убил. После всего, что он с ней сотворил – она говорила в бреду, так что мне все известно, – после всего этого она все равно была от него без ума!

Он замолчал. Раздался голос Элизабет:

– Может быть, она беспокоилась о тебе.

Он зло рассмеялся.

– Не беспокоилась! Она хранила его фотографию. Вот откуда я все знаю, и вот как я однажды его найду. Фотографию она хранила под крышкой пудреницы. Полагаю, она думала, что никто фото там не найдет, но она, конечно, не знала, что умрет. – Голос его стал хриплым. – Если бы ей кто-нибудь об этом сказал, она бы не поверила.

– Бедная Марджори!

Он кивнул.

– Фотографию я сохранил. Когда-нибудь я его найду. Она обрезана так, что остались только голова и плечи, а картон с обратной стороны содран, чтобы фотография поместилась в пудреницу, так что имени фотографа нет. Но если я его встречу, сразу узнаю.

– Никто не остается безнаказанным, Карр. Не пытайся строить из себя палача. Это не по твоей части.

– Разве нет? Не знаю...

Повисла тишина. Элизабет не нарушала молчания. Она откинулась на спинку кресла и наблюдала за ним из-под темных ресниц. Длинные тонкие руки спокойно лежали на коленях. На ней была зеленая юбка, кремовый свитер с высоким воротом, почти полностью закрывавшим длинную шею, и маленькие жемчужные сережки.

Карр снова заговорил:

– Знаешь, Фэнси очень на нее похожа. Прежде она рабо-

тала манекенщицей, а сейчас она хористка и танцовщица – правда, безработная. Она много трудится и хочет добиться успеха. Надеется получить роль в пьесе из постоянного репертуара, как она это называет. Не думаю, что она хоть сколько-нибудь умеет играть на сцене. Ей нужно внимательно относиться к тому, как она произносит гласные, потому что в Степни, где она выросла, они звучат иначе. Кажется, ее родители до сих пор живут там, и ей даже в голову не приходит уйти от них в свободное плавание, потому что она очень хорошая девушка и очень любит свою семью.

– А какое отношение ко всему этому имеешь ты? – спросила Элизабет.

Он взглянул на нее и довольно горько пошутил:

– Она хочет подняться по социальной лестнице и рассматривает меня в качестве трамплина.

– Вы помолвлены?

– Кажется, нет.

– Ты просил ее руки?

– Не знаю.

– Карр, ты должен знать!

– А я не знаю, и это факт.

Она вдруг выпрямилась, широко раскрыв глаза и стиснув руки.

– Ты позволил себе плыть по течению и понятия не имеешь, где оказался.

– Да, так оно и есть.

– Карр, это самоубийство! Ты не обязан жениться на девушке, которую не любишь.

– Нет. Но вот так плыть по течению совсем легко, если тебе все равно, что случится. Мне бывает одиноко.

Элизабет быстро и тихо ответила:

– Лучше быть одиноким, чем испытывать одиночество рядом с другим человеком.

Ее потрясла боль в его глазах.

– Чертовски верно. Я попробовал и то, и другое, так что мне это известно. Но, видишь ли, поговорка «обжегшись на молоке, дуешь на воду» не работает; всегда кажется, что в следующий раз все будет иначе.

– Карр, мне прямо встряхнуть тебя хочется! Ты говоришь ерунду и знаешь это. Ты, конечно, повел себя необдуманно с Марджори, но в этот раз ты даже не притворяешься, что эта несчастная девушка тебя хоть сколько-нибудь интересует.

На его лице мелькнула давно знакомая вызывающая улыбка.

– Дорогая, она вовсе не несчастная девушка. Напротив, она очень милая девушка, безупречно хорошая девушка и к тому же невероятно красивая: платиновые волосы, сапфировые глаза, полуметровые ресницы и розовый цвет лица в лучших английских традициях. погоди, сама увидишь!

Глава 5

Как и следовало ожидать, чаепитие прошло хорошо. Фэнси сначала упиралась:

– Но кто такая эта Элизабет Мур? Ты точно мне про нее никогда не говорил. Этой лавкой владеет она?

– Нет, ее дядя. Он вообще-то довольно известный человек. Когда-то у семьи Мур был большой загородный дом за пределами Меллинга. Трое погибли во время Первой мировой войны, и уплата налогов за их наследство разорила семью. Джонатан был четвертым. Когда дошло до продажи имущества с молотка, он сказал, что откроет лавку и сам все продаст. Вот так он и начал свое дело. Родители Элизабет умерли, поэтому она живет с ним.

– Сколько ей лет?

– Она на три года моложе меня.

– А я не знаю, сколько тебе лет.

– Двадцать восемь.

– Значит, ей двадцать пять?

Он расхохотался.

– Умница! Как ты догадалась? Пойдем, она уже поставила чайник.

Успокоенная открытием, что Элизабет уже почти женщина средних лет, Фэнси пошла с ним. Она была совсем не прочь выпить чашку чая: сидение под феном вызывает та-

кую жажду! Она еще больше успокоилась, увидев Элизабет и приветливую старую гостиную. Пускай мисс Мур старый друг и все такое, но ее никак не назовешь красавицей, и она совсем не изящна. Юбка на ней была немодного кроя – не этого года и даже не прошлого. Джемпер с высоким воротом и длинными рукавами тоже не был элегантным. И все же Рэнси почти сразу почувствовала, что ее алый наряд чересчур вызывающий. Это чувство становилось все сильнее, и в какой-то момент она чуть не расплакалась. Нельзя сказать, что мисс Мур не была милой или что она и Карр как-то пытались заставить ее чувствовать себя чужой, но именно так она себя и чувствовала. Они были не такие, как она. Глупо, конечно, – она была не хуже других и притом гораздо красивее и элегантнее, чем Элизабет. Какое глупое чувство! Мама бы сказала, что нечего ей выдумывать ерунду. А потом вдруг это чувство исчезло, и она принялась рассказывать Элизабет про родителей, про то, как получила первую работу, и теперь уже чувствовала себя хорошо и спокойно.

Когда перед уходом они с Элизабет поднялись наверх, Фэнси, стоя перед зеркалом времен королевы Анны, спросила:

– Это старый дом, да?

Она видела отражение Элизабет в зеркале: слишком высокая и худая, но было в ней что-то утонченное, что очень подходило к этому дому и мебели. Элизабет ответила:

– Да, он очень старый, семнадцатого века. На месте ван-

ной раньше находился пороховой склад. Все ужасно неудобно, конечно, но вполне подходит для ведения коммерции.

Фэнси достала пуховку и принялась поправлять безупречный макияж.

– Я люблю новое, – сказала она. – Не понимаю, зачем люди так пекутся о старом. Я хотела бы, чтоб у меня была серебристая кровать, серый мебельный гарнитур, а все остальное чтоб было синим.

Элизабет улыбнулась.

– Вам бы это точно подошло.

Фэнси сложила губки бантиком и умелым движением нанесла помаду.

– М-м... – протянула она и спросила, не оборачиваясь: – Вы ведь давно знакомы с Карром?

– О да.

– Как думаете, с ним трудно будет жить? В том смысле, что у него часто меняется настроение. Он всегда такой был?

Она увидела в зеркале, что Элизабет отвернулась и ее лица больше не видно. Элизабет ответила, чуть помедлив:

– Я давно его не видела. Он ведь был в отъезде.

– А вы знали девушку, на которой он был женат?

– Видела ее однажды. Она была очень красивая.

– Я ведь похожа на нее, да? Я не была с ней знакома, но...

– Вы немного на нее похожи.

– Тот же типаж?

– Да.

Фэнси убрала пудру и помаду и закрыла молнию на своей алой сумочке. Она сказала странным тоном:

– Думаю, именно поэтому... – Она резко обернулась. – Никому не хочется быть просто заменой, разве нет?

– Конечно.

– Я хочу сказать, что не стала бы ревновать к ней или что-то подобное. Я знала одну девушку, которая вышла замуж за вдовца; так вот она отказывалась переступить порог его дома, пока он не убрал все фотографии первой жены. Мне это казалось неправильным, тем более что в доме жили дети от первой жены. Я рассказала об этом маме, и она сказала: «Мужчина, забывший первую жену, забудет и тебя, не обманывайся на этот счет». Вот так сказала мама, и я бы не стала поступать, как та девушка. Но я не хотела бы выйти замуж, если бы мне предстояло *быть* этой фотографией, если вы понимаете, о чем я.

– Отлично понимаю.

Фэнси тяжело вздохнула.

– Он такой красивый, правда? Но когда дело дойдет до совместной жизни, может оказаться, что судить лучше по поступкам, а не по внешности. То есть нужно хорошенько подумать, прежде чем на это пойти, верно? – Она коротко рассмееалась. – Представляю, что вы обо мне думаете, пока я тут болтаю. С вами почему-то легко говорить. Что ж, думаю, нам пора.

По дороге домой Фэнси сказала:

– Она совсем не такая, как я думала. Она, пожалуй, милая. Губы Карра дрогнули.

– Да, она, пожалуй, милая.

Он сказал это так, словно смеялся над ней, но смеяться было не над чем. Он был странный в этом смысле. Стараешься изо всех сил его развеселить, шутишь, но с тем же успехом можешь делать это перед кирпичной стеной. А потом, когда смеяться совершенно не над чем, он внезапно веселится. Ну, лишь бы веселился...

Она продолжила говорить об Элизабет:

– Жаль, что она не замужем. Я бы ни за что не хотела оказаться незамужней в двадцать пять.

На этот раз он рассмеялся в открытую. А что такого смешного она сказала?

– Ну, милая, тебе же до этого еще далеко. Еще пять лет, так ведь?

– Шесть. И я не понимаю, что тут смешного. Девушке не стоит с этим затягивать, так мама говорит. Она говорит, что привыкаешь все делать по-своему, а это не годится, потому что, когда выйдешь замуж, мужчина потребует, чтобы все было, как захочет он. Ну то есть она не считает, что нужно прямо-таки во всем ему уступать, но когда двое живут вместе, то понятное дело, они должны идти на уступки. А когда появятся дети, уступать придется еще больше, если ты понимаешь, о чем я. Так говорит мама, а она нас шестерых вырастила, так что кому знать, как не ей.

Карр перестал смеяться. Он никогда еще не чувствовал меньше любви к Фэнси, и при этом она никогда так сильно ему не нравилась.

– Твоя мама – очень разумная женщина. Я хотел бы с ней познакомиться. И не удивлюсь, если однажды ты станешь кому-нибудь хорошей женой, моя дорогая.

– Но не тебе?

Она не знала, почему эти слова сорвались у нее с языка, но так уж вышло – она их произнесла. А он посмотрел на нее со странной улыбкой в глазах и ответил:

– Нет, не думаю.

Ее красивый нежный румянец усилился. Большие синие глаза прямо смотрели на него.

– Я понимаю, о чем ты. Мы оба думали, что у нас получится, но нет, ничего не выйдет. Я поняла это, как только увидела тебя с этой девушкой, Элизабет. Ты ведь любил ее, так?

Его взгляд стал холодным.

– Это было давно.

– Я бы сказала, что ты очень ее любил. Я бы даже сказала, что ты все еще ее любишь. Вы подходите друг другу, если понимаешь, о чем я. Вы были обручены?

Он ответил теми же словами:

– Это было давно.

Дальше они шли в молчании. Фэнси подумала: «Мы не можем идти две с половиной мили и не разговаривать. Я про-

сто закричу, а он решит, что я спятила. На этих деревенских дорогах такая тишина, можно услышать даже свои мысли». Она заговорила, чтобы нарушить молчание:

– Она тоже тебя любит, это видно.

Он нахмурился, но не рассердился, потому что положил руку ей на плечо и слегка по нему похлопал.

– Ты всегда сможешь открыть брачное агентство, если у самой с этим ничего не выйдет. А теперь не будем больше говорить обо мне. Расскажи мне про свою маму и твоих братьев и сестер.

Глава 6

Кэтрин Уэлби оглядела свою гостиную и подумала: «До чего красивая комната». Некоторые вещи в ней были старыми и потертыми, но все равно хорошими, так как переехали сюда из Меллинг-Хауса. Столик времен королевы Анны можно в любой момент продать за пару сотен фунтов. Как и персидские ковры – подарок от миссис Лесситер, ну или почти подарок. Миссис Мэйхью вспоминала, что слышала, как миссис Лесситер говорит: «Пусть миссис Уэлби возьмет эти ковры и столик из Голубой комнаты». И добавила: «Почему бы ей ими не пользоваться». Но миссис Мэйхью незачем было об этом вспоминать, да она бы и не стала, если ее к этому не побуждать, а Кэтрин Уэлби не собиралась этого делать. Почти вся мебель, стоявшая в Гейт-Хаусе, оказалась там на тех же слегка спорных основаниях. Она собиралась открыто поговорить об этом с Джеймсом Лесситером. На самом деле это была одна из причин, по которой она ждала его на кофе. Нужно было представить ему обстановку Гейт-Хауса под видом подарков его матери.

Она с признательностью огляделась. Тетя Милдред определенно хотела, чтобы она владела этими вещами. Вот эти шторы были выкроены из старых, что пролежали в шкафу бог знает сколько времени; поблекшие, но зато какая дивная парча – симметричные завитки нежных оттенков сине-

го и зеленого на матовом розовом фоне. Ткани хватило еще на обивку стульев и дивана, подушки на котором повторяли цвета завитков на шторах.

Кэтрин оделась в тон комнаты. Зеркало в позолоченной раме над высокой каминной полкой отражало ее матово-синее домашнее платье, красивые волосы и гордый поворот головы. Она сразу же услышала шаги, которых ждала, вышла на узкую площадку у подножия лестницы и распахнула входную дверь.

– Джеймс, входи! Как хорошо, что ты пришел! Дай же мне на тебя посмотреть! Нам не стоит говорить, сколько лет прошло, верно?

Он был с непокрытой головой, в темном костюме, без пальто и шарфа. Когда она провела его в освещенную комнату, он рассмеялся и ответил:

– Глядя на тебя, можно подумать, что всех этих лет и не было. Ты не изменилась.

Она лучезарно улыбнулась в ответ:

– Правда?

– Ты стала красивее, но думаю, ты и без меня это знаешь. А я? Я получу какую-нибудь оценку?

Она смотрела на него с неподдельным удивлением. Когда-то он был красивым юношей; в сорок шесть он выглядел гораздо привлекательнее, чем можно было ожидать. Фотография, которой так гордилась тетя Милдред, не лгала. Она ответила, не переставая улыбаться:

– Думаю, самодовольства в тебе и так достаточно. – Потом она звонко рассмеялась и добавила: – Ох, Джеймс, как я рада тебя видеть! Подожди минутку, я принесу кофе. Моя помощница приходит только по утрам.

Пока Кэтрин не было, он осмотрелся. Некоторые предметы мебелировки показались ему очень знакомыми, кое-что было вполне добротным. Наверное, мать обставила комнату. Надо повидать Холдернесса и выяснить, какие у него права с точки зрения закона. Если он решит продать имущество, то Гейт-Хаус тоже будет продан, и в этом случае он должен быть свободен от жильцов. Однако если Кэтрин получила его без мебели и платит за него аренду, выселить ее будет невозможно. Загвоздка в том, что письменного соглашения могло и не существовать, и ничто не указывает на то, что присутствие мебели из Меллинг-Хауса представляет собой сдачу в аренду меблированного помещения. Если бы это было так, то он мог бы отправить Кэтрин уведомление о выселении; однако если его мать подарила ей мебель, то это могло оказаться невозможным. Кэтрин – красивая женщина, красивее, чем двадцать пять лет назад – тогда она была полновата. Он подумал о Риетте. Она, вероятно, располнела – с такими статными девушками это иногда случается. Ей сейчас должно быть сорок три.

Кэтрин вернулась с кофейным подносом и, словно прочитав его мысли, спросила:

– Ты видел Риетту?

– Еще нет.

Она поставила поднос на столик с резной волнистой кромкой. Он помнил, что это ценная вещь. Он решил, что Кэтрин хорошо устроилась, даже слишком хорошо.

– Здорово было бы, если бы мы уговорили ее прийти, правда? Только дело в том, что она не выйдет из дома.

– Почему?

Кэтрин рассмеялась.

– Джеймс, дорогой, ты видно забыл, что за место Меллинг. Он не изменился.

Говоря это, она подняла телефонную трубку. Он подошел и встал с ней рядом; услышал щелчок поднятой трубки на том конце, а затем голос Риетты – как и Меллинг, он несколько не изменился.

– Да?

– Это Кэтрин. Слушай, Риетта, Джеймс здесь. Да, стоит рядом. И мы оба хотим, чтоб ты зашла. А если собираешься использовать в качестве отговорки Карра и его девушку, мы оба, я и Джеймс, будем точно знать, что думать.

Риетта спокойно сказала:

– Я буду очень рада снова увидеть Джеймса. Не оставляйте для меня кофе, я уже выпила чашку.

Кэтрин повесила трубку и повернула к нему смеющееся лицо.

– Я так и знала, что это заставит ее прийти! Она не захочет, чтобы ты решил, что она избегает встречи с тобой.

– Почему она должна избегать меня?

– Да нет никаких причин. Странно, что вы оба так и не обзавелись семьями, правда?

Он ответил довольно резко:

– У меня не было на это ни времени, ни желания. В одиночестве движешься быстрее.

– Ты так быстро двигался?

– Достаточно быстро.

– Попал, куда хотел?

– Более или менее. Всегда есть новые горизонты.

Она со вздохом подала ему кофе.

– Ты, должно быть, пережил чудесные времена. Расскажи мне!

Риетта вошла в дом, на маленькую квадратную площадку у подножия лестницы, и повесила пальто на стойку перил. Она злилась, потому что Кэтрин хитростью вынудила ее прийти. Она сказала «нет» и подразумевала «нет», но отказаться снова, зная, что Джеймс слушает, – этого она не могла сделать. Ему, как и всем в Меллинге, должно быть ясно, что она встретится с ним по-дружески, но равнодушно. Она посмотрела на свое отражение в старом зеркале на стене. От гнева ее щеки пылали ярким румянцем. Она пришла в чем была – в старом красном домашнем платье. Оттенок был ей к лицу, длинные классические складки прибавляли статности ее фигуре. Она открыла дверь в гостиную и услышала слова Кэтрин:

– Как чудесно!

Джеймс поднялся и пошел ей навстречу.

– Здравствуй, Риегга.

Их руки соприкоснулись. Она ничего не ощутила. Гнев испарился, напряжение спало. Потому что это не был призрак, вернувшийся из прошлого, чтобы ее потревожить; перед ней стоял незнакомец – красивый, представительный незнакомец средних лет.

Он и Кэтрин сидели по обе стороны от камина. Она взяла стул и села между ними – чужеродный образ в пастельной комнате Кэтрин. Комната сразу же показалась тесной: слишком много лежащих повсюду безделушек, слишком много бледных нежных оттенков. Она сказала:

– Я зашла только поздороваться. Мне нельзя задерживаться – у меня гостят Карр и его подруга.

– Карр? – Он повторил это имя, как сделал бы любой незнакомец.

– Сын Маргарет. Ты помнишь, что она вышла замуж за Джока Робертсона? Они оставили Карра со мной, когда уехали на Восток. Обратного они так и не вернулись, так что растила его я.

– Карр Робертсон... Печально слышать о Маргарет. Сколько мальчику лет?

– Мальчиком его уже не назовешь. Ему двадцать восемь.

– Женат?

– Был. Она умерла два года назад.

– Какое несчастье. Кажется, я все время задаю не те вопросы.

– В жизни всякое бывает.

Кэтрин наклонилась, чтобы поставить свою чашку.

– Не переживай. Никто из нас по-настоящему не знал Марджори. Меллингом она не интересовалась. Думаю, Риегта видела ее в лучшем случае дюжину раз. А что касается Карра, то можно сказать, что его есть кому утешить. Девушка, которую он привез погостить, – ослепительная блондинка.

– Это низко, Кэтрин! – рассердилась Риегта.

Все тот же решительный голос, все тот же открытый гнев. Афина Паллада, презрительно обращающаяся к смертной. Красивое создание, с которым, вероятно, не очень комфортно жить. Он стал расспрашивать о жителях деревни. Минут через двадцать она поднялась уходить, и он сказал:

– Я пройду с тобой.

– В этом нет необходимости, Джеймс.

– Приятные вещи не всегда необходимы. Если позволишь, Кэтрин, я еще вернусь, так что не прощаюсь.

На улице было темно: луны не было, но небо было безоблачное, звезды лишь слегка заволочла дымка, которая рассеется, едва сентябрьское солнце снова взойдет. В теплом влажном воздухе витал легкий запах дыма и опавших листьев. Когда они прошли примерно треть короткой дороги до дома Риегты, Джеймс сказал:

– Я хотел поговорить с тобой, Риетта. Я не знаю, какие договоренности были у мамы с Кэтрин касательно Гейт-Хауса. Ты не можешь мне помочь?

Она замедлила шаг и пошла с ним в ногу.

– Не думаю, что смогу. Почему ты не спросишь у нее?

Кажется, его позабавил этот вопрос.

– Ты и правда думаешь, что это лучший способ выяснить?

Я думал о чем-то более беспристрастном.

– Тогда тебе лучше спросить у мистера Холдернесса.

– Это я и собираюсь сделать. Но мне кажется, что ему не очень много об этом известно. Ты ведь знаешь, какой была мама. Она всегда все делала по-своему, была весьма деспотична, такая *grande dame*².

Он коротко рассмеялся.

– Ей могло и не прийти в голову упомянуть о частной сделке между ней и Кэтрин. Я хотел бы знать, упоминала ли она об этом когда-нибудь в разговоре с тобой. Давай повернем и пойдем назад? Так она говорила об этом?

– Да, когда Кэтрин вернулась сюда после смерти мужа, она сказала: «Тетя Милдред сдаст мне Гейт-Хаус за символическую арендную плату». А когда я в следующий раз увидела твою мать, она сказала мне: «Я отдаю Кэтрин Гейт-Хаус. Похоже, Эдвард Уэлби оставил ее с мизерным годовым доходом».

– И ни слова об арендной плате?

² Важная особа (*фр.*)

– Нет.

– А про мебель?

– Да, твоя мама сказала: «Я сказала ей, что она может снести перегородку между двумя комнатами на первом этаже, и думаю, мне придется отдать ей кое-какую мебель».

– Это уже кое-что. Мне нужно знать, подарила она ей эту мебель или дала на время.

– Я не знаю.

– Там есть ценные вещи.

– Наверное. Может, Мэйхью знают.

– Нет. Похоже, это продолжалось годами. То и дело мать говорила: «Я отдаю миссис Уэлби то, или это, или еще что-то», или Кэтрин говорила: «Миссис Лесситер сказала, что я могу взять то-то и то-то», и мебель переносили в домик привратника. Совершенно непонятно, шла ли речь о подарке или об одалживании. Там есть вещи, которые мать точно не стала бы ей дарить.

– И все же она могла это сделать. Единственный человек, который может сказать, как все было, – это сама Кэтрин.

Он рассмеялся.

– Риетта, дорогая моя!

В его смехе и голосе было столько сарказма, что к этим трем словам больше нечего было добавить.

Они дошли до дома привратника и снова повернули назад. Из прошлого всплыли воспоминания о том, сколько раз они гуляли вот так: под луной, под звездами, в сгущающихся су-

мерках, слишком влюбленные, чтобы попрощаться и разойтись по домам. Любовь ушла вместе с молодостью и тем давним временем. Для Риетты Крэй осталось только странное навязчивое ощущение близости. В комнате Кэтрин Джеймс Лесситер показался ей незнакомцем. Здесь, в темноте, ее вновь посетила не давняя любовь, не волнующие чувства, а ощущение присутствия знакомого человека. Это заставило ее торопливо сказать:

– Джеймс, а ты не можешь... просто оставить все как есть?

Он снова рассмеялся.

– Чтобы это сошло ей с рук?

– А почему нет? Ты ведь обходился без этих вещей все это время. Ты ведь разбогател? И никто точно не знает, что имела в виду твоя мать. Кэтрин будет... ужасно огорчена... если вы поссоритесь.

– Полагаю, что так. – Ему, казалось, было весело. – Но все не так просто, как ты, по-видимому, думаешь. Я получил очень хорошее предложение о покупке Меллинг-Хауса, и он должен быть свободным для заселения. Это касается и Гейт-Хауса. Если он был сдан Кэтрин в аренду вместе с мебелью, то все в порядке: я смогу уведомить ее о выселении, и ей придется съехать. Но аренда дома без мебели – это совсем другое дело. Ну вот, мы снова дошли до твоей калитки. Мне нужно вернуться и посмотреть, что удастся выудить из Кэтрин. Однако если она не изменилась сильнее, чем я думаю, то маловероятно, что я узнаю что-то, хоть немного

напоминающее правду.

– Джеймс!

Он вновь рассмеялся.

– Ты тоже не сильно изменилась. Ты все еще хороший друг, а я по-прежнему злейший враг. Знаешь, ты ведь ничего не должна Кэтрин. Она сделала все от нее зависящее, чтобы тебе насолить.

– Это было давным-давно.

– И теперь ты не хочешь, чтобы я ее осуждал. Ну-ну! Быть такой, как ты, нецелесообразно, но я отлично понимаю, что ты ничего не можешь с собой поделать. Да ты и не пытаешься, верно? Не больше, чем я намерен пытаться изменить свои привычки. Мне они сослужили хорошую службу. Если мне что-то причитается, я это получу – все до последнего гроша.

– Не понимаю, о чем ты.

– Разве? Что ж, мне просто интересно, ограничилась ли Кэтрин в своей жажде стяжательства лишь переносом мебели. У меня такое впечатление, что из-за этой жажды Кэтрин может оказаться не в ладах с законом.

– Джеймс!

– У меня отличная память, и мне кажется, что в доме отсутствует множество мелких, но ценных вещей, которые легко обратить в деньги. Позволь, я открою калитку.

– Джеймс...

– Спокойной ночи, дорогая. Как я уже сказал, ты совершенно не изменилась. Очень жаль.

Глава 7

Наутро после приезда мисс Сильвер миссис Войси взяла ее с собой за покупками. В Меллинге были мясник, булочник, который помимо хлеба продавал также сдобу, торты, печенье, консервированные фрукты в стеклянной таре и конфеты, и бакалейщик, чей ассортимент товаров походил на универсальный магазин. Например, можно было начать с левой стороны прилавка и купить бекон, кофе и манную крупу, потом постепенно двигаться вправо мимо яблок, картофеля и корнеплодов и под конец добраться до мотков шпагата, садового инвентаря, сумок для покупок, а также ботинок и туфель, свисавших, словно связки лука, с высоко вбитого в стену гвоздя. Где-то посередине была стойка цветных открыток и промокательной бумаги – она извещала всех о том, что магазин являлся также филиалом почты, где можно найти марки и бланки для телеграмм.

Поскольку в магазине имелось столько разных привлекательных вещей, это было всеобщим местом встречи. Мисс Сильвер познакомили с сестрой викария мисс Эйнджер, внушительных размеров дамой с серо-стальными волосами и римским профилем, одетой в твидовый костюм, который больше напоминал броню. Возможно, дело было в крупной черно-белой клетке на сером фоне или же в фигуре самой мисс Эйнджер. Она ругалась с миссис Гровер из-за бекона и

с трудом оторвалась от этого занятия.

– Да, слишком толстые ломти и слишком жирные... Школьная подруга, говорите? Здравствуйте!.. Чтобы такого больше не повторялось, иначе мне придется рассказать об этом викарию.

Миссис Гровер покраснела. Она сжала губы и сдержалась. Миссис Войси сделала шаг к стойке с открытками и подхватила под руку мисс Крэй.

– Риегга, я хочу познакомить тебя с моей подругой мисс Сильвер. Мы вместе учились в школе.

Риегга торопилась, но двадцатилетний опыт подсказывал ей, что торопиться в присутствии миссис Войси бесполезно. Большая твердая ладонь останется лежать на ее руке до тех пор, пока ее хозяйка не выполнит свой общественный долг. Она поздоровалась с мисс Сильвер и тут же получила приглашение на чай.

– И не говори, что не сможешь прийти, Риегга, потому что мне отлично известно, что Карр и мисс Белл отправились на весь день в город. Булочник видел, как они ушли. Он упомянул об этом, когда звонил, потому что в тот момент в небе висела черная туча, а он заметил, что мисс Белл без зонтика и выразил надежду, что она не промокнет. Он говорит, что посоветовал ей взять с собой зонт, но она лишь рассмеялась. Сколько они у тебя прогостят?

– Не знаю. Карр привез с собой несколько рукописей, которые ему нужно прочитать.

– Вид у него такой, словно ему нужен хороший длинный отпуск. Так ты придешь на чай сегодня? Я позвоню Кэтрин и приглашу и ее тоже. Я хочу, чтобы Мод Сильвер познакомилась с вами обеими. – Она наклонилась поближе и хрипло прошептала: – Она известный детектив.

Мисс Сильвер в это время рассматривала стойку с открытками. Она настолько не была похожа на детектива, что Рьетта от неожиданности спросила:

– И что же она расследует?

– Преступления, – прошептала ей миссис Войси прямо в ухо. Затем она отпустила руку Рьетты и сделала шаг назад. – Жду тебя к половине пятого. А сейчас мне непременно нужно поговорить с миссис Мэйхью.

Миссис Мэйхью покупала лук и картошку.

– Вот уж никогда не думала, что мне придется покупать и то, и другое, а не брать с огорода, но мистер Эндрюс мало что может сделать, чтобы поддерживать в саду порядок.

Мистер Эндрюс совсем мало занимается огородом, так что никуда не денешься – овощи приходится покупать. Так что если Сэм принесет их после школы...

Она обернулась – маленькая кроткая женщина печально-го вида, – и ее немедленно загнала в угол миссис Войси.

– А, миссис Мэйхью! Полагаю, теперь, с возвращением мистера Лесситера, у вас много дел. Так неожиданно, правда? Я только на прошлой неделе говорила викарию: «Кажется, и речи нет о том, что Меллинг-Хаус откроют» и сказала,

как мне жаль. Что ж, теперь, когда он вернулся, я надеюсь, он не собирается снова сбежать?

– Я совершенно ничего не знаю.

Миссис Войси сердечно рассмеялась.

– Мы все должны быть очень милы с ним, и тогда, возможно, он останется. – Она подошла поближе, понизила голос и спросила: – Надеюсь, новости о вашем сыне хорошие.

Миссис Мэйхью бросила быстрый испуганный взгляд по сторонам. Бесплезно: она стояла в углу между прилавком и стеной и не могла протиснуться мимо миссис Войси. Ее голос был еле слышен, когда она прошептала:

– У него все хорошо.

Миссис Войси доброжелательно похлопала ее по плечу.

– Я была уверена, что так и будет, можете ему передать мои слова. Сейчас все не так, как было тридцать-сорок лет назад. Тогда второго шанса не получали ни юноши, ни девушки, но теперь-то все иначе. Полагаю, он приедет вас навестить?

Миссис Мэйхью страшно побледнела. Миссис Войси не желала ей зла, все в Меллинге знают, как она добра, но ей невыносимо было говорить о Сириле здесь, в магазине, когда вокруг люди, которые могут их услышать. Она почувствовала себя в ловушке, из которой не может выбраться. И тут похожая на гувернантку маленькая леди кашлянула и тронула миссис Войси за руку.

– Пожалуйста, Сесилия, расскажи мне об этих видах. Я

хочу послать открытку моей племяннице, Этель Беркетт.

Миссис Мэйхью была свободна. Сердце ее билось так сильно, что она была сбита с толку и только на полдороге вспомнила, что хотела купить мятную приправу.

Когда две дамы вышли из магазина и пошли домой через луг, миссис Войси сказала:

– Это была миссис Мэйхью. Она кухарка, а ее муж – дво-рецкий в Меллинг-Хаусе. Их сын – такое несчастье для них.

Мисс Сильвер сказала:

– Ей было неприятно, что ты о нем заговорила, Сесилия.

Миссис Войси ответила энергично:

– Незачем быть такой чувствительной. Все про это знают и сочувствуют ей и надеются, что Сирил начал жизнь с чистого листа. Он их единственный ребенок, и они его избаловали; ужасная ошибка! Конечно, миссис Мэйхью тяжело видеть, каким хорошим вырос сын Гроверов – это миссис Гровер обслуживала Дагмар Эйнджер в конце прилавка. Алан и Сирил были друзьями. Они оба окончили школу, и Алан пошел работать в контору мистера Холдернесса – очень хорошее начало! А Сирил нашел работу в Лондоне, что привело к беде. Он неплохой парень, но слабый и избалованный. Ему не следовало жить далеко от дома и семьи. Такие мальчишки чувствуют себя очень одиноко, когда выходят в большой мир, и единственная компания, которую они могут найти, как раз та, от которой не жди ничего хорошего. Знаешь, Мод, когда-то я очень огорчалась, что у меня нет детей, и,

наверное, я многое упустила, но ведь это огромная ответственность, правда?

Мисс Сильвер согласилась, что так оно и есть.

– Даже такой вполне хороший парень, как Алан Гровер. Я не стала бы говорить это никому, кроме тебя, и это, конечно, глупо рассказывать, не говоря уж о том, что это чрезвычайно бесцеремонно...

– Сесилия, дорогая моя!

– Я была потрясена. И я не могу, никак не могу поверить, что она его поощряла. Конечно, в таком возрасте их и не нужно поощрять, а она ведь очень красивая женщина...

– *Сесилия, дорогая!*

Миссис Войси кивнула.

– Да, Кэтрин Уэлби. Полный абсурд, как я уже сказала. Началось с того, что он предложил прийти к ней, чтобы повесить полки, а потом он сказал, что посадит ее луковичные цветы, а она давала ему книги. А когда она хотела ему заплатить, он не взял ни гроша, поэтому она, конечно, не могла позволить ему приходить к ней и оказывать разные услуги. Ему еще нет двадцати одного, она ему в матери годится!

Мисс Сильвер снисходительно кашлянула.

– Сесилия, дорогая моя, какое это имеет значение?

Глава 8

Джеймс Лесситер откинулся на спинку стула и через стол посмотрел на мистера Холдернесса, который выглядел весьма обеспокоенным. Румянец разлился до самых корней его густых седых волос, отчего от природы цветущее лицо приобрело почти сливовый оттенок – такой, какой был у основателя фирмы, крепкого выпивохи, жившего в начале восемнадцатого века; его портрет висел на стене позади мистера Холдернесса. Он посмотрел на Джеймса и сказал:

– Вы меня шокируете.

Джеймс Лесситер поднял брови.

– Неужели? Ни за что бы не подумал, что человека, проработавшего в юридической конторе почти сорок лет, еще можно поразить.

Они немного помолчали. Кровь немного отхлынула от лица мистера Холдернесса. Он слабо улыбнулся.

– Трудно оставаться в рамках профессии, когда дело касается людей, которых знаешь так долго, как я знаю вашу семью. Ваша мать была моим давним другом, а что касается Кэтрин Уэлби, я присутствовал на свадьбе ее родителей...

– И поэтому вы ждете, что я позволю себя обокрасть?

– Джеймс, дорогой мой!

Джеймс Лесситер улыбнулся.

– Как же все здесь похоже. То же самое сказала мне Ри-

етта.

– Вы говорили с ней о ваших... огорчительных подозрениях?

– Я сказал ей, что пропало довольно много вещей, и я не удивлюсь, если Кэтрин знает, куда они подевались и... какой доход принесли. Как и вы, всё, что она смогла сказать: «Джеймс, дорогой мой!»

Мистер Холдернесс положил карандаш, который вертел в руках, и соединил кончики пальцев. Этот жест был знаком всем давним клиентам и означал, что мистер Холдернесс собирается порекомендовать проявить сдержанность.

– Только что я назвал ваши мысли огорчительными подозрениями. Вы ведь не хотите спровоцировать семейный скандал, основываясь лишь на подозрениях?

– О нет.

– Я был в этом уверен. Ваша мать очень любила Кэтрин. Если нет доказательств обратного, то будут серьезные основания полагать, что мебель в Гейт-Хаусе была подарком.

Джеймс по-прежнему улыбался.

– Моя мать завещала Кэтрин пятьсот фунтов. Несколькими росчерками пера она могла добавить: «и мебель в Гейт-Хаусе», или какие-то другие слова с тем же смыслом. Однако она этого не сделала. Если дело дойдет до серьезных предположений, то это будет одним из «доказательств обратного». Нигде в завещании мебель не упоминается. Моя мать когда-нибудь упоминала об этом в разговоре с вами?

– Не совсем так.

– Что значит «не совсем так»?

– Ну, вообще-то я упомянул об этом в разговоре с ней.

– И что она сказала?

– Она отложила разговор на эту тему. Вы ведь знаете, она могла быть весьма категоричной. Не буду лукавить, что до-словно помню, как именно она выразилась – завещание было составлено больше десяти лет назад. Но насколько я помню, она сказала что-то вроде: «Это здесь ни при чем». Если посмотреть на эти слова в свете того, что вы говорите, это может означать, что в ее завещании не упомянута мебель, потому что она уже подарила ее Кэтрин...

– Или потому, что она *не намеревалась* ее дарить. Вы не уточнили, что она имела в виду?

– Нет. Она говорила совершенно безапелляционно.

Джеймс рассмеялся.

– В этом я не сомневаюсь! А вот в чем я продолжу сомневаться, так это в том, что моя мать позволила бы Кэтрин незаконно завладеть таким количеством ценных вещей.

Мистер Холдернесс задумчиво катал карандаш между большим и указательным пальцами.

– Возможно, у вас есть основания для подобных сомнений, но у вас нет уверенности. Я полагаю, что ваша мать никогда не давала этой ситуации четкого определения. Когда она говорила Кэтрин, что та может взять ту или иную вещь из Меллинг-Хауса, она могла одолжить ей это, или подарить,

или же вообще не имела каких-то определенных намерений. Кэтрин, со своей стороны, конечно, могла решить, что все эти вещи ей дарят. Я думаю, если вы позволите мне так выразиться, что не стоит поддерживать подозрения, которые вы ничем не можете обосновать.

Джеймс Лесситер принял внушительный вид и выпрямился.

– А кто говорит, что я не могу их обосновать? Я это сделаю, если сумею.

Мистер Холдернесс снова выглядел совершенно потрясенным. Кровь прилила к его лицу не так сильно, как в первый раз, и цвет лица был не таким темным. Он перестал катать карандаш и сказал:

– Послушайте...

Джеймс кивнул.

– Знаю, знаю, вы думаете, что я должен спустить все на тормозах. Что ж, я не собираюсь этого делать. Я терпеть не могу, когда меня принимают за дурака, но еще больше не выношу, когда меня пытаются надуть. Могу вас заверить, что мало кому удавалось проделать это безнаказанно. У меня такое чувство, что за моей спиной много чего происходит. Я намерен разобраться, в чем тут дело. А когда я этим займусь, любой, кто думал, что сможет воспользоваться моим отсутствием, окажется в весьма затруднительном положении.

Мистер Холдернесс поднял руку.

– Джеймс, дорогой мой, надеюсь, вы не хотите сказать, что

подозреваете чету Мэйхью? Ваша мать им полностью доверяла...

Джеймс Лесситер рассмеялся.

– Если бы не было такого доверия, то не было бы возможности это доверие обманывать, разве не так? А теперь я вам кое-что скажу. Вы говорите, что я не могу обосновать мои подозрения, потому что мама хранила молчание и не включила ничего из вещей в свое завещание. Однако кое-что она написала мне за пару дней до смерти. Хотите знать, что именно?

– Разумеется, хочу.

– Я могу повторить вам слово в слово. «Я не беспокоила тебя письмами о делах, так как надеюсь, что ты скоро приедешь домой. Пока же на всякий случай сообщаю тебе, что я вела подробные записи обо всем». Подробные записи обо всем – вот что расскажет нам то, что мы хотим узнать, верно?

– Возможно, – медленно ответил мистер Холдернесс.

– О, я думаю, вы чрезмерно осторожничаете. Думаю, можно предположить, что так и будет. Я пока не нашел эти записи. Моя мать, как и многие женщины, питала глубокое недоверие к банкам и конторским сейфам. Конечно, было бы гораздо разумнее – и удобнее, – если бы она оставила эти заметки вам, но она этого не сделала. Я проверил ящики ее письменного стола и шкафчик для бумаг в библиотеке, однако для особых документов вроде этого у нее, наверное, было особое секретное место. Я очень надеюсь, что обнаружу его,

и когда это произойдет...

Мистер Холдернесс поднял глаза и посмотрел на него через стол – пристально и серьезно.

– Звучит так, как будто вы собираетесь мстить.

Джеймс легко рассмеялся.

– О да.

– Вы в самом деле пойдете на крайние меры?

– Я подам в суд.

Глава 9

Чаепитие у миссис Войси прошло так, как обычно проходят все чаепития. Гости поели домашних булочек и предложенного со скромной гордостью домашнего айвового варенья.

– Рецепт моей дорогой матушки. Красивый цвет, правда? Напоминает мне твоё платье темно-красного цвета, Риетта. Но что мне хотелось бы узнать, так это как сохранить бледно-зеленый цвет фруктов, как это делают в Португалии. В детстве я жила там месяц, и они готовили очень вкусный айвовый джем, который называли *marmalada*³. Цвет у него был как у зеленого винограда. Его вынимали из формочек для желе, обсыпали сахаром и ели, нарезаая пластинками. Ужасно вкусно! Но никто мне так и не рассказал, как его готовить. В ту же минуту, как я вскипячу айву с сахаром, она начинает вести себя как светофор: сначала становится янтарного цвета, а потом красного.

Миссис Войси весело рассмеялась собственной шутке и перешла к рассказу о кошмарном португальском водопроводе. Хотя мисс Сильвер и разделяла ее взгляды на современную канализацию, это, по ее мнению, совершенно не подходило для беседы за чаем. Она кашлянула и попыталась сме-

³ Искаженное от «marmelada» (*португ.*) – традиционный португальский мармелад из айвы.

нить тему, но удалось ей это лишь спустя некоторое время. И тут, к своему большому неудовольствию, она обнаружила, что в качестве очередной темы болтливая Сесилия выбрала ее профессиональную деятельность. Она вывалила на слушателей всю историю необычного «дела о сережках» в пересказе мисс Алвинии Грэй. Напрасно мисс Сильвер твердила, предостерегающе кашлянув: «Я предпочла бы не говорить об этом» или даже: «Моя дорогая Сесилия, я никогда не обсуждаю свои расследования». Сисси Кристофер даже в школьные годы было очень трудно остановить. А Сесилию Войси, пожилую даму в ее собственном доме, сдержать или отвлечь было совершенно невозможно. Мисс Сильвер со вздохом отказалась от попыток это сделать. Как только ей представилась малейшая возможность, она подняла тему образования, и это привело к весьма интересному обмену мнениями между ней и мисс Риеттой Крэй.

– Я отдала педагогике двадцать лет.

Что-то зашевелилось в подсознании Риетты, но тут же снова исчезло. Чуть позже это повторилось – словно что-то вот-вот всплывет из памяти. А потом совершенно внезапно, когда Кэтрин жаловалась на дороговизну жизни, миссис Войси убеждала всех выпить еще чаю, а мисс Сильвер, начавшая цитировать Теннисона, прервалась, чтобы сказать: «Нет, спасибо, дорогая», она наконец вспомнила.

– «Знание приходит, но мудрость запаздывает», как очень

точно выразился лорд Теннисон⁴.

Риетта неожиданно спросила:

– Так вы – мисс Сильвер Рэндала Марча?

Мисс Сильвер ответила с довольной улыбкой:

– Он и его сестра были моими учениками. И я рада сказать, что наша дружба сохранилась. Вы с ними знакомы?

– Я училась в школе вместе с Изабелл и Маргарет. Они были уже в старших классах, а я была маленькой. Мисс Аткинсон всегда говорила, что у них была очень хорошая подготовка. Рэндал был младше, примерно моего возраста. Сейчас он начальник полиции графства.

– Да. Не так давно я имела удовольствие обедать с ним в городе. Знаете, Изабелл вышла замуж. За вдовца с детьми, очень подходящая партия. По моему опыту, такие поздние браки часто становятся очень счастливыми. К этому возрасту люди успевают научиться ценить дружеское общение. Маргарет вышла замуж, когда ей было чуть за двадцать, но и ее брак оказался очень удачным.

Они продолжили беседовать о семействе Марч.

Кэтрин и Риетта пошли домой вместе. Сгустились сумерки, тут и там светились желтым окна в коттеджах на краю луга, где не до конца были задернуты шторы. Когда они прошли немного, Кэтрин внезапно с нажимом спросила:

⁴ Альфред Теннисон (1809–1892) – английский поэт, наиболее яркий представитель сентиментально-консервативного мировоззрения Викторианской эпохи, любимый поэт королевы Виктории, которая дала ему почетное звание поэта-лауреата и титул барона, сделавший его пэром Англии.

– Риетта, что сказал тебе Джеймс вчера вечером?

Риетта обдумывала ее вопрос. Ей показалось, что нет причин о чем-то умалчивать, и она ответила:

– Он спрашивал, что мне известно о договоренности между его матерью и тобой касательно Гейт-Хауса.

– И что ты ответила?

– Что ничего об этом не знаю.

Кэтрин быстро перевела дыхание.

– Что еще?

– Он спрашивал про мебель.

– Что именно?

– Была ли она тебе подарена или дана во временное пользование.

– И что ты на это сказала?

– То же самое – что ничего об этом не знаю.

Кэтрин сжала руки в приступе острого раздражения.

– Тетя Милдред подарила мне мебель, ты же знаешь, я сто раз тебе об этом говорила! Почему ты не сказала ему об этом?

Риетта ответила в своей резкой манере:

– То, что ты говорила мне, не доказательство.

– Ты хочешь сказать, что не веришь мне... когда я говорю тебе, что она подарила мне эти вещи?

– Нет, я не это хочу сказать. Я имею в виду только то, что сказала: то, что ты говорила мне, не доказательство.

– И каких же доказательств ты хочешь?

Это было так похоже на Кэтрин – устроить сцену на пустом месте. Рьетта уже не в первый раз задумалась, стоит ли поддерживать эту старую дружбу. Когда знаешь человека всю свою жизнь и живешь совсем рядом с ним, да еще и в деревне, остается только постараться сохранять самообладание.

– Дело не в том, чего хочу я. Дело в Джеймсе. А ему нужны доказательства – то, что подтвердит намерения его матери. Он спрашивал, говорила ли она когда-нибудь об этом.

– Что ты ответила? – торопливо и зло спросила Кэтрин.

– Я ответила, что тетя Милдред сказала мне: «Я сдам Кэтрин Гейт-Хаус. Я сказала ей, что она может снести перегородку между комнатами на первом этаже и объединить их, и полагаю, мне нужно будет дать ей какую-то мебель».

– Ну вот видишь! Что он на это ответил?

– Что это может означать все что угодно, – сухо ответила Рьетта.

– Ох! – За этим полным ярости возгласом последовало резкое: – Это совершенно возмутительно!

Они были в середине луга, на пересекающей его узкой тропинке. Рьетта остановилась.

– Кэтрин, разве ты не понимаешь, что с Джеймсом так нельзя? Ты его только разозлишь. Он смотрит на все как на деловое соглашение...

Кэтрин перебила ее срывающимся голосом:

– Конечно, ты станешь его защищать, мы все это знаем!

Риетта начинала злиться, но сдержалась.

– Я его не защищаю, я говорю тебе, как он смотрит на вещи. Сопротивление всегда его злит. Если только он не изменился очень сильно, лучшее, что ты можешь сделать, – это выложить карты на стол и сказать ему правду.

– А ты думаешь, я лгу?

– Ты говоришь ему что-то среднее, – ответила Риетта резким тоном.

– Да как ты смеешь!

Кэтрин ускорила шаг. Риетта догнала ее.

– Ты сама меня спросила. Послушай, Кэтрин, какой смысл продолжать себя так вести? Ты знаешь, и я знаю, какой была тетя Милдред, а главное – Джеймс тоже это знает. У нее бывали приступы деловитости, но большую часть времени она не утруждала себя ведением дел. Она была деспотом до мозга костей и переменчива, как флюгер. Если она говорила тебе, что ты можешь что-то взять, то сегодня она могла иметь в виду подарок, а завтра уже нет, или вообще не задумывалась об этом. И хочешь знать, что я на самом деле думаю? Так вот, я не верю, что она намеревалась прямо-таки подарить тебе эти вещи; некоторые из них слишком ценные. Но Джеймсу я этого не говорила.

– Но скажешь.

– Нет. Он меня не спрашивал, а если бы и спросил, я бы не сказала. Это просто мое мнение.

Минуту-другую они шли молча. Потом Кэтрин взяла Ри-

етту под руку. Она сказала дрожащим голосом:

– Я не знаю, что делать.

– Сделай, как я сказала, – скажи правду.

– Я не могу.

– Почему не можешь?

– Не могу. Вдруг он разозлится.

Риетта сказала немного презрительно:

– Что он сможет сделать? Если ты не будешь его злить, он, возможно, заберет несколько по-настоящему ценных вещей, и оставит тебе все остальное.

Кэтрин в отчаянии сжала ее руку.

– Риетта... Лучше мне рассказать тебе об этом. Все гораздо хуже: я продала некоторые из них.

– Что?!

Кэтрин затрясла ее руку, за которую держалась.

– Нечего говорить со мной таким тоном! Эти вещи были мои, и я могла делать с ними, что пожелаю! Тетя Милдред мне их подарила, говорю тебе, подарила!

– Что именно ты продала?

– Несколько миниатюр, и... и табакерку... и серебряный чайный сервиз. За одну из миниатюр я выручила три сотни. Это был Косвей⁵, очень красивая миниатюра, жаль, что я не могла ее себе оставить.

– Кэтрин!

⁵ Ричард Косвей (1742–1821) – английский художник-портретист эпохи Регентства, известный своими миниатюрами.

Кэтрин отпустила ее руку и оттолкнула Риетту.

– Не будь занудой! Надо же мне во что-то одеваться! Если уж и винить кого-то, то как насчет Эдварда, который ни разу не сказал, что он по уши в долгах, и оставил меня почти без гроша?! А теперь, полагаю, ты пойдешь и расскажешь все Джеймсу?

– Ты знаешь, что я так не сделаю, – спокойно ответила Риетта.

Кэтрин снова подошла ближе.

– Как думаешь, что он станет делать?

– Думаю, это зависит от того, что он выяснит.

– Он знает, что вещи исчезли – табакерка, миниатюры и чайный сервиз. То есть он знает, что их нет в Меллинг-Хаусе, а миссис Мэйхью сказала ему, что тетя Милдред отдала мне чайный сервиз. Вчера он сказал мне, что не хочет доставлять мне неудобств, но это фамильная ценность, и он должен его забрать. Как будто это имеет какое-то значение! Детей-то у него нет!

Помолчав, Риетта сказала:

– Ты вляпалась в историю.

– Что толку говорить мне это? Делать-то мне что?

– Я тебе уже сказала.

Последовала пауза. Потом Кэтрин сказала еле слышно:

– Он говорит, что его мать составила подробные записи обо всех делах, пока его не было. Пока что не нашли, но когда найдут...

Она замолчала. Риетта закончила предложение:

– Когда они найдутся, ты ведь не думаешь, что останутся еще какие-то сомнения в том, что она не дарила тебе миниатюру Косвея и чайный сервиз времен королевы Анны.

– Она могла забыть их записать, – сказала Кэтрин убитым голосом.

Они дошли до края луга. Слева был Гейт-Хаус, справа – Белый коттедж. Кэтрин повернулась в ту сторону, где в сумерках маячили высокие подъездные столбы. Она пожелала спокойной ночи и перешла через дорогу. Риетта пошла в другую сторону, но, не дойдя до Белого коттеджа, услышала быстрые шаги по тропинке. Кэтрин поравнялась с ней и протянула руку.

– Я хочу кое о чем тебя попросить.

– О чем?

– Если бы ты вспомнила, как тетя Милдред говорила, что дарит мне все эти вещи... Это бы многое изменило.

– Ничего подобного я не помню.

– Ты могла бы, если бы попыталась.

– Глупости! – сказала Риетта Крэй и сделала движение, чтобы уйти, но Кэтрин удержала ее.

– Риетта, послушай минутку! После того как вчера вечером Джеймс вернулся, он, – она перевела дыхание, – напугал меня. Он был вежлив, но, знаешь, такой ледяной вежливостью. Он говорил, что некоторые вещи пропали. Ох, дело даже не в том, что именно он говорил, а в том, что подразу-

мевал. Я подумала, что он хочет меня запугать, и старалась этого не показывать, но думаю, он видел, что я боюсь. И думаю, ему это доставило удовольствие. Я не сделала ничего, чтобы он так себя вел, но у меня сложилось жуткое впечатление: если бы он мог сделать мне больно, он бы тоже наслаждался этим.

Риетта стояла совершенно неподвижно. Призрак, которого она заперла много лет назад, вышел из заточения и встал у нее за плечами. Кэтрин прошептала:

– Риетта... Когда вы с Джеймсом были помолвлены... Он был таким? Когда люди помолвлены, характер трудно скрыть. Он любил... причинять боль?

Риетта сделала шаг назад. «Да», – ответила она и быстро пошла прочь, откинула задвижку на калитке и закрыла ее за собой.

Глава 10

Джеймс Лесситер возвращался на машине из Лентона. Ему нравилось ездить по ночным деревенским дорогам, когда фары ярко освещали путь и нужно всего лишь ехать вперед. Это давало ему ощущение легко достижимого могущества. Он не делал сознательных сравнений, но чувствовал, что жизнь разворачивается перед ним, словно эта дорога. Он очень разбогател и надеялся стать еще богаче. Когда заработаешь определенное количество денег, дальше все идет само собой. Деньги давали могущество. Он подумал о юноше, который покинул Меллинг больше двадцати лет назад, и испытал нечто похожее на триумф. Как же он был прав! Вместо того чтобы позволить себе утонуть вместе с кораблем, который шел ко дну на протяжении жизни трех поколений его семьи, он перерубил канат и поплыл к берегу. Он ни о чем не жалел. Дом можно продать. Если ему захочется иметь загородный дом, то есть места повеселее, чем Меллинг. Нынче никому не нужен огромный дом размером с казарму, построенный в те дни, когда гости приезжали на несколько недель и требовался большой штат прислуги. Сейчас нужно что-нибудь современное и рациональное: большая комната, в которой можно устроить вечеринку и полдюжины спален. А пока он собирался получать удовольствие. У него осталась парочка должников, и он с нетерпением ждал от них выплат.

Есть что-то очень приятное в возможности вершить свой собственный суд.

Он свернул к высоким подъездным столбам Меллинг-Ханса. Свет фар скользил впереди по алее, высветляя гравий, который давно никто не разравнивал, и выхватывая из темноты ярко-зеленую зелень падубов и рододендронов. Внезапно в свете фар он увидел какое-то движение в густых зарослях, но не мог сказать с уверенностью, что именно увидел. Может, это посыльный из лавки отошел в сторону, чтобы дать ему проехать, или кто-то пришел в гости к чете Мэйхью. Вдруг он вспомнил, что сегодня у них выходной во второй половине дня и они в Лентоне. Миссис Мэйхью спрашивала, можно ли им уйти. В столовой его должен ждать холодный ужин.

Джеймс заехал в гараж, довольный тем, что он один и весь дом в его распоряжении. Хорошая возможность как следует осмотреть спальню и гостиную матери. Он намеревался найти ее записи и решил, что они должны быть где-то в одной из этих двух комнат. Она в последнее время была слаба и больше не спускалась на первый этаж.

Он вошел через парадную дверь и щелкнул выключателем в холле. Человек, который только что подошел к дому по аллее, остановился и увидел, как засветились два высоких окна в холле.

Много позже тем же вечером в очаровательной комнате Кэтрин Уэлби зазвонил телефон. Она отложила книгу и под-

няла трубку. Рука ее сильно сжала трубку, когда она услышала голос Джеймса Лесситера.

– Это ты, Кэтрин? Я подумал, что ты будешь рада узнать, что я нашел записи, оставленные мне матерью.

– Да?

Как ни пыталась, она не могла придумать, что еще сказать.

– Я опасался, что их могли уничтожить, потому что мистер Холдернесс забрал все бумаги, какие смог найти, а миссис Мэйхью сказала мне, что ты приходила и уходила много раз.

Кэтрин прижала руку к горлу.

– Я сделала что могла.

– Не сомневаюсь. Однако, как ты думаешь, где были эти записи?

– Понятия не имею.

Во рту у нее пересохло. Нельзя, чтобы он заметил, как изменился ее голос.

– Ни за что не догадаешься! Ты ведь не догадалась, верно? Они были в томике проповедей покойного викария. Я помню, когда их напечатали, он подарил матери экземпляр. А ты не помнишь? Она могла быть совершенно уверена, что никто не будет там копаться. Я нашел записи только потому, что после того, как обыскал все, вынул все книги из шкафа и перетряхнул их. И вот она, награда за терпение!

Кэтрин не произнесла ни слова. Она быстро перевела дух. Этот звук донесся до Джеймса Лесситера и доставил ему глу-

бокое удовольствие.

– Что ж, – сказал он отрывисто, – ты будешь очень рада узнать, что этот документ совершенно четко определяет твой статус. Изначально предполагалось, что ты будешь вносить символическую арендную плату в десять шиллингов в месяц, однако после одного или двух платежей об этом больше ничего не было сказано, и вопрос об арендной плате отпал. Теперь касательно мебели. Ты что-то сказала?

– Нет.

Она с трудом выдавила из себя это единственное слово.

– Что ж, относительно мебели в записях матери все изложено совершенно ясно. Мама пишет: «Я не совсем уверена, какая именно мебель стоит у Кэтрин в Гейт-Хаусе. Время от времени я отдавала ей кое-что, но, разумеется, было условлено, что эти вещи даются лишь во временное пользование. Мебелью лучше пользоваться, а Кэтрин очень аккуратна. Думаю, ты можешь позволить ей оставить себе то количество мебели, которого хватит, чтобы обставить небольшой дом, если ты сочтешь неудобным позволить ей и дальше жить в Гейт-Хаусе. Ничего ценного, разумеется – только необходимые и полезные вещи. У нее находится маленький чайный сервиз времен королевы Анны, который я одолжила ей во время войны, когда фарфор было так трудно достать. Конечно, подразумевалось, что она берет его только на время».

Кэтрин с трудом выговорила:

– Это неправда. Она мне его подарила.

– Ну, ну! Знаешь, если бы дело дошло до суда, боюсь, что документ, составленный моей матерью, сочли бы доказательством того, что ничего подобного она не делала.

И снова Кэтрин выдавила из себя лишь одно слово:

– Суда?

– Разумеется. Видишь ли, это деловой вопрос, а я – деловой человек. Не хочу, чтобы ты заблуждалась на этот счет. Я только что сообщил Холдернессу...

Пораженная ужасом, Кэтрин собиралась с мыслями. Страх, который ее парализовал, стал теперь движущей силой.

– Джеймс... ты ведь не можешь...

– Разве? – И добавил: – Советую тебе в это поверить.

Глава 11

Карр и Фэнси вернулись к 6.30 и взяли в Лентоне такси. Они были веселы и голодны. Фэнси чудесно провела время: она встретила подругу, которая не только пригласила ее на ланч, но и познакомила с тремя людьми, каждый из которых заявил, что может помочь найти ей работу.

– Один из них снимается в кино. Он сказал, что я очень фотогенична, и я сказала, что так оно и есть, потому что я и правда чудесно получаюсь на фотографиях. Я показала ему снимки, которые у меня были с собой; как удачно, что я их взяла! Вообще-то я бы ни за что не поехала в город без них, потому что никогда не знаешь, где и когда подвернется случай. А он сказал, что покажет их своему другу, какой-то шишке на киностудии «Атланта», где его слово – закон. Вот было бы чудесно, если бы я получила работу на киностудии, правда?

Карр нежно обнял ее за плечи и сказал:

– Милая, ты же не умеешь играть.

Большие голубые глаза распахнулись от удивления.

– Откуда ты знаешь?

– Я видел твои попытки.

– Видел так видел. – В голосе ее не было злости. – Думаешь, это имеет значение? Знаешь, ты как-то странно себя ведешь – многим людям из театральных кругов я понравилась.

И это ведь была не настоящая роль: мне нужно было произвести всего две реплики.

Он снова рассмеялся.

– Милая, ты играла отвратительно.

Риетта раскладывала по тарелкам мясной рулет и салат из свежих овощей и думала: «Я даже не помню, когда видела в последний раз, чтобы он так смеялся. Интересно, они помолвлены? Она ему не подходит. Хотела бы я знать, что из этого выйдет. Я думаю, сердца у нее больше, чем было у Марджори, иметь меньше просто невозможно. Боже, зачем люди растят детей!»

Какое бы будущее не ждало, было ясно, что в настоящий момент Карр в приподнятом настроении. Он заходил в контору и обнаружил там Джека Смизерса, ликующего по поводу весьма выгодной продажи прав на экранизацию. Он также очень живо и ярко описал рукопись, которую им навязали как «открытие века» – автором был довольно известный в политических кругах помпезный джентльмен.

– Ее словно писал десятилетний ребенок, без точек и заглавных букв. А он утверждает, что это прямо-таки последнее слово простоты и гениальности. Смизерс говорит, что рукопись – дрянь, но, конечно, никогда нельзя знать наверняка, из чего может получиться успешный фильм. Грань между дрянным и гениальным очень тонкая, и уже выходили удачные фильмы, которые могли бы считаться и тем, и другим.

Они с Риеттой принялись вспоминать такие примеры и весело о них заспорили. Все было почти как в давние времена, до Марджори. Если Фэнси и чувствовала себя обделенной вниманием, то не подавала виду, чем заслужила одобрение Риетты, признавшей, что девушка, кажется, обладает мягким характером. На самом деле Фэнси была даже рада, что ей не нужно участвовать в разговоре: ее мысли были целиком заняты моделью платья, увиденного в ателье «Эстель». Оно стоило двадцать пять гиней, и качество явно соответствовало цене. Однако она была знакома с одной из манекенщиц ателье, и если Моды согласится рассказать ей, как сделаны складки на платье, то она, наверное, сможет его скопировать. Кстати, об успехе: успех этого платья был бы не менее ошеломительным!

Она все еще думала о платье, когда Карр и Риетта закончили с мытьем посуды, и пришел Генри Эйнджер. Он заходил по дюжине раз в неделю – по той простой причине, что просто не мог долго находиться вдали от Риетты Крэй. Эта причина была очевидна всем жителям деревни, да и сам Генри демонстрировал это с полным простодушием. Он любил Риетту, и если бы она когда-нибудь согласилась стать его женой, он был бы счастливейшим человеком. Ему было все равно, знают ли об этом другие, что весьма раздражало его сестру. Она пыталась бранить его, как миссис Гровер ругалась из-за бекона, но разве можно ругаться с человеком, который в ответ лишь улыбается и говорит: «На твоём месте я бы не

беспокоился, моя дорогая».

Он бодро вошел, положил пачку газет с фотографиями («Мне их прислали, я подумал, что вы захотите посмотреть»), отказался от кофе, так как шел проведать старую миссис Вингфолд на ферме, не захотел присесть по той же причине и в итоге стоял у камина и пил из чашки, которую Риегта сунула ему в руку.

– Она считает, что умирает. Разумеется, ничего подобного с ней не происходит. Это случается примерно три раза в месяц, но я должен каждый раз к ней ходить – а вдруг она и впрямь умрет? Я никогда себе этого не прощу. Риегта, у тебя самый вкусный кофе на свете.

Улыбка смягчила выражение ее лица. Приятно, когда тебя любят и не требуют в ответ ничего, кроме того, чтобы иметь счастье тебя обожать. Она была очень привязана к Генри Эйнджеру. Как она однажды выразилась, он был почти ангелом. Конечно, внешне он не походил ни на ангела, ни на пастора. Он носил старые широкие брюки из серой фланели, толстый белый свитер и сомнительного вида плащ. На фоне этой одежды румяное лицо, круглые голубые глаза и густые светлые волосы придавали ему вид скорее школьника, хотя ему было уже сорок пять лет. При дневном свете было видно, что в светлых волосах много седины, но и в девяносто лет он все равно выглядел бы молодо. Он допил первую чашку кофе, выпил вторую и стал прощаться. У двери он обернулся.

– Миссис Мэйхью вернулась рано. Я вместе с ней вышел

из автобуса в Лентоне. Мне показалось, она чем-то встревожена. Надеюсь, Сирил ничего опять не натворил.

Карр отошел от книжного шкафа, у которого стоял без дела.

– Я видел Сирила Мэйхью на станции, он приехал на том же поезде, что и мы.

Риетта протянула ему чашку кофе.

– Ты с ним говорил?

– Нет. Я хотел предложить подвезти его, но он незаметно ускользнул.

– Может, он не сюда ехал. Он ведь не ездит сюда... – она сделала паузу и добавила: – ...официально.

Карр поднял брови.

– Что-нибудь произошло?

– Кое-какие неприятности. Не хочу говорить об этом. – Она обернулась к Генри Эйнджеру. – Миссис Мэйхью наверняка не знала, что он приедет, иначе встретила бы его с поезда и они вернулись бы домой вместе.

– Может, и так. Надеюсь, ничего не случилось. Я удивился, что в свой выходной она так торопится обратно. Мистера Мэйхью с ней не было.

Риетта слегка нахмурилась.

– Джеймс Лесситер сейчас живет в доме. Наверное, она решила, что должна вернуться и накормить его ужином. Вряд ли он привык что-то делать сам.

Генри согласился:

– Да, вряд ли. Кажется, он сколотил большое состояние. В одной из тех газет есть его фотография. Он только что провернул какую-то крупную сделку. Надо постараться вытрясти из него что-нибудь для фонда на покупку органа.

Дверь за ним захлопнулась – это было одной из не ангельских привычек Генри, – и почти сразу в гостиной зазвонил телефон. Риегта пошла туда, чтобы взять трубку, и увидела, как Карр протянул руку к стопке газет. Она закрыла обе двери, подняла трубку и услышала дрожащий голос Кэтрин:

– Риегта, это ты?

– Да. В чем дело? У тебя такой голос...

– Если бы только голос... – Она, задохнувшись, замолчала.

– Кэтрин, что случилось?

Она всерьез начала тревожиться. Это было совсем не похоже на Кэтрин. Она знала ее больше сорока лет и никогда раньше такой не видела. Когда дела шли плохо, Кэтрин не проявляла никаких эмоций. Даже смерть Эдварда Уэлби она всегда представляла скорее как проявление черствости с его стороны, чем как повод для большого горя. Последовавшие за этим финансовые затруднения не помешали ей приобрести весьма дорогой и красивый траурный наряд. Риегта много раз слышала, как она сыплет упреками, говорит самодовольно, жалуется. Сегодня тон у нее был совершенно другой.

– Риегта... Это насчет того, о чем мы с тобой говорили. Он звонил. Он нашел эти чертовы документы. Тетя Мил-

дред, должно быть, выжила из ума. Она сделала записи незадолго до смерти. Ты же знаешь, какая она была забывчивая.

– Разве? – сухим тоном сказала Риетта.

Телефонная линия запульсировала от негодования Кэтрин.

– Ты знаешь, что была! Она прямо-таки все забывала!

– Бесполезно просить меня сказать это, потому что я не могу этого сделать. Что сказано в этих документах?

– Что все вещи она дала мне во временное пользование. Она точно сошла с ума!

– Они там перечислены?

– Да. Совершенно отвратительно! Я не могу их вернуть, ты же знаешь! И мне кажется, *он* тоже это знает. Вот что меня больше всего пугает: он знает и наслаждается этим. У него на меня зуб, и я понятия не имею, за что. Риетта, он... Он сказал, что позвонил мистеру Холдернессу.

– Мистер Холдернесс не станет поддерживать его в намерении устроить скандал.

– Он не сможет ему помешать. Никто никогда не мог помешать Джеймсу, если он принимал решение, ты знаешь это не хуже меня. Есть только один способ... Риетта, если бы ты пошла к нему... Если бы ты сказала ему, что его мать то и дело забывала о чем-нибудь...

– Нет! – резко сказала Риетта.

– Риетта!

– Нет, Кэтрин, я не стану этого делать! А даже если бы

и сделала, толку не было бы никакого: есть еще мистер Холдернесс, и врач, не говоря уж о чете Мэйхью и миссис Феллоу. Миссис Лесситер прекрасно знала, что делает, и тебе это известно. Я не стану о ней лгать.

Повисла мертвая тишина. Долгую минуту спустя Кэтрин сказала:

– Тогда, если что-то случится, это будет твоя вина. Я в отчаянии!

Глава 12

Когда Риетта вернулась в гостиную, Карр стоял у стола. Мысли Риетты были поглощены разговором с Кэтрин: что сказала она, что сказала Кэтрин, что может сделать Джеймс Лесситер. А потом она увидела лицо Карра, и все эти мысли мигом улетучились. На столе лежала одна из тех газет, что принес Генри Эйнджер. Карр стоял, указывая на нее пальцем, все мышцы его тела были напряжены, глаза бешено сверкали на побледневшем лице. Испуганная Фэнси наклонилась вперед, приоткрыв ярко накрашенные губы.

Риетта подошла к Карру и окликнула его по имени. Когда она дотронулась до его руки, ощущение было такое, словно рука эта сделана из стали. Она посмотрела туда, куда указывал его палец, и увидела фотографию, которой так гордилась миссис Лесситер, – на ней был Джеймс, такой, каким она увидела его вчера у Кэтрин Уэлби. Карр спросил очень тихо:

– Это Джеймс Лесситер?

– Да.

Все тем же жутким тихим голосом он сказал:

– Это человек, которого я ищу. Это тот, кто увел Марджори. Попался наконец!

– Карр! Ради бога!

Он вывернулся из ее рук и широким шагом вышел из

комнаты. Хлопнула дверь гостиной, следом – входная дверь. Широкие шаги послышались на дорожке из плитняка, потом щелкнула калитка.

Фэнси что-то сказала, но Риегта не стала ее слушать. Она схватила в коридоре старый плащ, выбежала через заднюю дверь и понеслась через сад к калитке, которая выходила на земли Меллинг-Хауса. По дороге она кое-как сунула руки в рукава плаща. Сколько сотен раз Джеймс Лесситер ждал ее там, в тени деревьев? Оставив позади незапертую калитку, она бежала через лес. Каждый шаг был ей знаком, память освещала ей дорогу ярким светом.

Она продралась сквозь кусты на аллею и прислушалась, стараясь выровнять дыхание. Если Карр направился к дому, то он должен пройти здесь. Он не мог добраться сюда раньше ее, так как ему нужно было пройти две стороны треугольного участка, а она срезала путь по его основанию. Она слышала лишь свое дыхание и глухое биение собственного пульса. Затем послышались все те тихие звуки, которые мы не замечаем днем: шелест листвы от легкого ветерка, тихое трение веток, зашевелившаяся птица, шорох какого-то мелкого животного в подлеске. Звука шагов не было.

Риегта быстро пошла по аллее к дому. Бежать она не стала, так как была уверена, что Карра впереди нет, а ей не годится прибегать запыхавшись. От более подходящего темпа движения голова ее прояснилась, и она снова начала мыслить здраво. Все, что произошло между этой минутой

и тем мигом, когда Карр вылетел из дома, хлопнув дверями, подчинялось лишь инстинкту паники. Теперь она начала приводить мысли в порядок – нужно решить, что она скажет Джеймсу Лесситеру. Вспомнила прошлый вечер в доме Кэтрин. Он не знал фамилию Маргарет по мужу, а если бы и знал, то на свете полно людей с фамилией Робертсон. Имя Карра Робертсона ничего для него не значило. Миссис Карр Робертсон была для него Марджори, хорошенькой блондинкой, которая устала от мужа. Совершенно никакой связи с Меллингом и Риеттой Крэй. Но вчера... Вчера он, должно быть, уже знал. Она припомнила их разговор.

– Карр Робертсон... Сколько мальчику лет?

– Мальчиком его уже не назовешь. Ему двадцать восемь.

– Женат?

– Был. Она умерла два года назад.

Кэтрин наклонилась, чтобы поставить свою чашку и сказала:

– Никто из нас по-настоящему не знал Марджори.

Тогда он точно понял. Джеймс Лесситер должен был все понять в ту минуту.

Она вышла на засыпанную гравием площадку перед домом. Огромный квадратный дом чернел на фоне неба, обдуваемый легким ветром. Все окна были темными – ни одной полоски света за ставнями или шторами. Она обошла ближайший угол дома и свернула на вымощенную плиткой дорожку, которая шла между узкой клумбой и живой изго-

родью, окаймлявшей небольшой классический английский парк. Здесь клумба заканчивалась, и место ее занимали заросли кустов сбоку от стеклянной двери, ведущей в кабинет. Пройдя мимо кустов, Риегта облегченно вздохнула: шторы в кабинете были задернуты и светились красным. Значит, в комнате горит свет. К двери вели две ступеньки. Риегта встала на нижнюю и постучала в стеклянную дверь. Минуту она прислушивалась: раздался звук отодвигаемого стула, послышались шаги, штору на окне отодвинули. Она увидела теплую, ярко освещенную комнату, повернутый в ее сторону письменный стол, и руку, отодвинувшую штору.

Когда свет упал на ее лицо, Джеймс Лесситер вышел из-за тяжелых красных занавесей, повернул в замке ключ и отпер дверь. Риегта вошла, закрыла за собой дверь и заперла ее. Шторы снова легли привычными складками. Снаружи кто-то пошевелился в кустах, поднялся по двум ступенькам и беззвучно прижался к стеклу.

Джеймс глядел на нее изумленно и с некоторым восхищением.

– Риегта, дорогая!

Ее лицо заливал яркий румянец, дыхание сбилось. В комнате было очень тепло. Она положила плащ на стул.

– Что у тебя с рукой? – воскликнул Джеймс.

Она испуганно посмотрела на руку и увидела кровотокающую царапину на запястье.

– Должно быть, поцарапалась, когда шла через лес, я и не

заметила.

Он предложил ей свой носовой платок.

– Ерунда, я даже не заметила, как поцарапалась. У меня где-то должен быть платок, но на этом платье нет карманов.

На ней было то же темно-красное платье, что и прошлым вечером. Внизу на подоле была маленькая треугольная дырка.

– Наверно, зацепилась в лесу за кусты ежевики и не заметила.

Он рассмеялся.

– Так торопилась?

– Да.

Она обошла стол и встала у камина. Джеймс жег бумаги, в очаге было полно пепла. Огня не было видно, но от пепла поднимался жар. Странно находиться в этой комнате вместе с Джеймсом. Все здесь было ей знакомо. Здесь они целовались, мучились, ссорились, здесь расстались. Здесь они встретились вновь. В комнате ничего не изменилось: массивный стол, старый ковер, обои с мрачным стальным отливом, довольно зловещего вида семейные портреты. На одном из них была по пояс изображена миссис Лесситер. Над камином висел веер из страусовых перьев, а на каминной полке черного мрамора стояли тяжелые часы из позолоченной бронзы. По бокам от них – по паре золотых флорентийских статуэток, которые она всегда любила. Они изображали четыре времени года: стройное тело Весны обвивала цветочная гир-

лянда; фигура Лета была обнаженной; на голове Осени был венок из виноградных листьев, в руке она держала гроздь винограда; Зима придерживала покрывавшую ее драпировку. Даже сейчас Риетта задумалась об их красоте. Некоторые вещи исчезают, другие остаются. В комнате было жарко, но внутри Риетту бил озноб. Она посмотрела на Джеймса и сказала серьезно и спокойно:

– Карр узнал.

Джеймс, красивый и самоуверенный, стоял, опершись на письменный стол. Он не то чтобы улыбался, но ему явно было весело.

– Звучит интригующе. Так что же узнал Карр?

– Что ты увел у него жену.

Он слегка приподнял брови.

– Разве он об этом не знал?

– Конечно, нет. Как и ты – до вчерашнего вечера у Кэтрин.

Он достал из кармана золотой портсигар, выбрал сигарету, а потом, словно опомнившись, протянул портсигар Риетте.

– Риетта, дорогая, прости меня.

Она покачала головой.

– Я не курю.

– И правильно делаешь! – Положив портсигар в карман, он чиркнул спичкой. – Это не соответствовало бы твоему образу. – Он затянулся, выпустил облачко дыма и добавил: – Афина Паллада!

Она внезапно почувствовала острую злость. Щеки ее горели, голос стал жестким:

– Я пришла, чтобы предупредить тебя. Это оказалось для него сильным потрясением, и я не знаю, на что он может пойти.

– Правда? Могу я узнать, почему?

– Тебе непременно нужно об этом спрашивать? Я не очень любила Марджори, но она умерла совсем молодой – ей было всего двадцать четыре года. Ты увез ее от мужа, увез из дома и оставил без гроша во Франции. Ей пришлось продать почти все свои вещи, чтобы вернуться домой. Она путешествовала без пальто в ужасную погоду и через два дня после возвращения умерла от воспаления легких. Карр не знал имени мужчины, с которым она сбежала, но он нашел твою фотографию под крышкой ее пудреницы. Сегодня вечером он увидел в газете то же фото с твоим именем. Он считает тебя убийцей Марджори, и я боюсь того, что он может сделать.

Джеймс, который непринужденно держал сигарету между указательным и средним пальцем холеной руки, отсалютовал ей.

– И ты пришла меня защитить? Это в высшей степени очаровательно!

Ее темные брови нахмурились.

– Не смей!

– Не смей чего?

– Не смей со мной так разговаривать. Карр вылетел из до-

ма как ошпаренный. Я не знаю, где он и что он может сделать. Он считает, что ты убил его жену.

– Тогда он, наверное, пошел в полицейский участок.

Риетта топнула ногой. Предвещающим бурю голосом, который стер двадцать лет, что они не виделись, она сказала:

– Прекрати, Джеймс!

Он встал, подошел к ней и бросил сигарету в камин.

– Хорошо. А теперь ты, быть может, захочешь услышать некоторые факты. Тебе сорок три, и если ты не знаешь, какой была Марджори, ты зря прожила все эти годы. Я не хочу притворяться высокоморальным человеком, но я не стал бы понапрасну тратить свое время на девушку, которая не оказалась бы легкой добычей. Марджори была чертовски легкой добычей. Ей надоела ее жизнь, надоел муж, и она была сыта по горло положением соломенной вдовы; она хотела развлекаться. Я отвез ее во Францию и устроил ей там потрясающе интересную жизнь. Потом мне пришлось улететь по делам в Штаты, и ей снова стало скучно. Она вышла из квартиры, в которой я ее оставил, и переехала к одному джентльмену, который за ней ухлестывал – к богатому международному финансисту. Будь я там, я бы мог сказать ей, что этот финансист – не очень удачный вариант для нее. Полагаю, она сделала что-то, что ему не понравились, и он выставил ее на улицу. Он вполне был на это способен. Ты удивишься, но я бы не смог так поступить. Я бы по крайней мере купил ей билет третьего класса до Лондона.

– Это правда? Весь этот рассказ про то, как она ушла от тебя к другому?

– Святая правда, дорогая.

– Когда ты так выражаешься, все твои слова кажутся ложью, – язвительно парировала она.

Он ответил совершенно серьезно:

– И тем не менее это правда.

Он вернулся к столу и встал вполоборота, перебирая лежащие на столе бумаги. Вскоре он нашел то, что искал, рассмехался и повернулся к Риетте.

– Твой юный баламут так и не появился здесь, так что, думаю, он пошел прогуляться, чтобы успокоиться. Когда он вернется, расскажи эти факты, пусть остынет. Он не мог быть женат на Марджори в течение трех лет и не понять, что она за человек. Думаю, ты сможешь его образумить. У меня тут сейчас куча дел, и мне совсем не хочется быть убитым! – Он коротко рассмехался. – Странно, что ты пришла именно сегодня, Риетта. Я жег твои письма.

– Мои письма?

– Первый сон любви! Весьма поучительно: теперь это кучка черного пепла в камине. Но огонь от них был очень жаркий, вот почему в комнате так тепло.

Она посмотрела на гору пепла, которая задушила огонь в камине. Кое-где еще можно было различить форму сложенных листков. Их волнистые края трепетали на сквозняке из каминной трубы, торопливо гасли последние красные искры.

Она глядела на пепел, нахмурившись, бледная и суровая.

Джеймс заговорил:

– Мне пришлось достать все бумаги, потому что я искал записи, оставленные мне матерью – весьма интересный документ. – Он рассмеялся. – Кому-то придется внимательно с ним ознакомиться, прежде чем мы со всем покончим. – В его глазах вспыхнула злость. – Вот он, на столе. Некоторые были бы очень рады, если бы его тут не было. Их бы очень успокоило, если бы они могли быть уверены, что он превратился в пепел, как и твои письма. Письма я нашел, когда искал его. Они были заперты там же, где я их оставил, когда уехал. А с ними лежало вот это.

Он вложил ей в руку бумагу, которую держал. Это оказался старый, пожелтевший бланк завещания. Риегта смотрела на него – сначала непонимающе, потом с удивлением и неловкостью.

– Джеймс, какой абсурд!

Он засмеялся.

– Да, правда. «Все мое имущество оставляю Риегте Крэй, проживающей в Белом коттедже, в Меллинге». У моей матери была пожизненная рента на то, что оставил отец, и право распоряжаться его имуществом, так что, когда я писал это завещание, то оставлял тебе школьные призы, ценную коллекцию фотографий футбольных команд и свой не слишком обширный гардероб. Комизм в том, что я так и не составил никакого другого завещания, и если бы юный Карр убил ме-

ня сегодня, ты бы унаследовала весьма солидное состояние.

Она сказала тихо:

– Мне не нравятся такие разговоры. В любом случае, вот что...

Она бросила бумагу на кучу пепла, но Джеймс Лесситер выхватил листок из камина прежде, чем он загорелся.

– Верно, дорогая, не нравятся. А это моя собственность. Разве ты не знаешь, что уничтожение завещания – это уголовное преступление? Я, правда, не знаю, сколько лет тюрьмы можно за это получить. Можешь спросить Холдернесса при следующей встрече.

– Джеймс, это нелепо. Пожалуйста, сожги его, – недовольно сказала она.

Он стоял, посмеиваясь, и держал бумагу повыше, словно они вновь были молоды и Рietta могла ее выхватить. Через мгновение выражение его лица изменилось. Он перегнулся через стол и положил документ на бювар. Потом обернулся к ней и сказал совершенно серьезно:

– Я не знаю никого, кому хотел бы все оставить, Рietta.

– Глупости.

– Разве? Не думаю. У меня нет родни, если не считать пары дальних кузенов – примерно такой же степени родства, что Кэтрин и ты. Они меня не интересуют. Жениться я не собираюсь. У меня нет никаких качеств, нужных для домашнего очага, как нет и желания становиться родоначальником семейства – это слишком скучно. – Тон его вновь повесе-

лел. – Что бы ты стала делать, если бы мое имущество перешло к тебе? Это солидный куш.

Она выпрямилась и нахмурилась.

– Я не желаю об этом говорить. Пожалуйста, брось это завещание в огонь.

Он расхохотался.

– Ты не очень-то много веселого видишь в жизни, верно? Расслабься, давай обсудим вопрос чисто гипотетически, потому что уверяю тебя, я намерен дожить до ста лет, а твоя совесть загонит тебя в могилу гораздо раньше. Но мне очень интересно было бы узнать, как бы ты отреагировала, если бы все наследство досталось тебе.

Им нужно было о чем-то говорить. Риетта хотела удостовериться, что Карр лишь пошел проветриться и успокоиться. Она позволила себе расслабиться и сказала:

– Смотря по обстоятельствам...

– Как осмотрительно! Под обстоятельствами подразумевается размер состояния? Что ж, скажем, оно достаточно велико, чтобы хозяйствовать здесь на широкую ногу. Ты бы захотела здесь жить?

Она искренне рассмеялась:

– Ни за что. Мне нравится мой коттедж.

– И нет никакого желания поехать куда-нибудь и пожить на широкую ногу?

– Ну что ты, Джеймс!

Он снова стоял, опершись на стол, глаза его блестели, губы

улыбались.

– Тогда что бы ты стала делать? Ты должна что-то делать – в моем гипотетическом случае.

Она сказала задумчиво:

– Стольким людям негде жить. Они никому не нужны. Они селятся в дешевых однокомнатных квартирах и чахнут там. Я думаю, что некоторые большие сельские дома можно было бы превратить в общественное жилье, где много удобных жилых комнат и большие общие помещения для еды и отдыха...

Он кивнул и рассмеялся.

– Курятник! Не завидую тебе как управляющему. Ты только подумай, как они станут выцарапывать друг другу глаза!

– С чего бы? У меня там жили бы не только женщины. Мужчины нуждаются в домашнем очаге даже больше, потому что не могут устроить его сами. – Она протянула руку. – А теперь, Джеймс, пожалуйста, сожги этот документ.

Он с улыбкой покачал головой.

– Это мое завещание, и это не твое дело. Если бы меня это в достаточной степени заботило, я бы давным-давно составил новое. Мне просто не до того. Но если бы мне было до этого дело, то полагаю, я бы снова сделал то же самое.

Она посмотрела на него в упор.

– Почему?

– Я тебе отвечу. Приготовься получить хвалу. Это был первый сон любви, как я уже говорил; и, веришь или нет,

мне так и не удалось его повторить. Я любил множество очаровательных женщин и получал от этого удовольствие, но эти, с позволения сказать, контакты, происходили... в другой плоскости. Не хватало некоей идиллической нотки. Другие дамы совершенно не были похожи на Афины Палладу. Я не имею никакого желания возвращаться в неприятный период своей юности, но в ретроспективе этот период обладает определенным очарованием. Ты олицетворяешь собой это очарование.

– Ты прекрасно знаешь, что во мне никогда не было ни крупицы очарования.

– *Ars est celare artem*⁶. Знаешь, когда ты это сказала, я снова почувствовал себя мальчишкой.

Она рассмеялась.

– Раньше ты говорил мне, что я прямолинейна, как кочерга. Я по-прежнему такая. У меня и правда никогда не было такта, поэтому тебе придется принять меня такой, какая я есть. Я хотела кое-что тебе сказать. Это касается Кэтрин.

Снаружи, стоя на ступеньках и прижавшись к стеклянной двери, Кэтрин Уэлби слышала свое имя. В верхней части окна у нее над головой был один из тех старых вентиляторов в форме звезды, которые появились после открытия, сделанного примерно в 1800 году: оказывается, свежий воздух вообще не смертелен. Вентиляция была открыта, и голоса двоих людей в кабинете звучали энергично и отчетливо. Она

⁶ Искусство – в умении скрыть искусство (*лат.*).

многое услышала из их разговора. А теперь услышала, как Джеймс Лесситер спросил:

– А что с Кэтрин?

Риетта шагнула к нему.

– Джеймс... Не доставай ее.

– Дорогая моя девочка, она же воровка.

Кэтрин была в длинной черной накидке, отороченной мехом. Давным-давно ей отдала ее Милдред Лесситер. Мех все еще был хороший и теплый. Но тело ее под этой накидкой сжалось от холода.

– Она воровка.

– Ты не имеешь права говорить так!

– Думаю, что имею. Вот записи моей матери, можешь прочесть, если хочешь. Она внесла сюда все. Кэтрин лгала, когда говорила, что вещи были ей подарены. Если она не сможет или не захочет их предъявить, я подам на нее в суд.

– Ты не можешь этого сделать!

– Могу и сделаю.

– Почему?

– Потому что она воровка.

Риетта покачала головой.

– Дело не в этом. У тебя на нее зуб за что-то. За что?

– Мне незачем тебе об этом говорить. Она разрушила нашу помолвку, наговорив тебе лжи обо мне.

– Джеймс, это не было ложью.

– Она оболгала нас обоих перед моей матерью.

Она подошла совсем близко и встала сбоку, опершись на стол правой рукой.

– Джеймс, нашу помолвку разрушило не это. Ее разорвала я, когда ты убил свою собаку.

Его лицо потемнело от гнева, а вся прежняя шутливость улетучилась.

– А ты что, думала, я стану держать животное, которое на меня набросилось?

– Ты его напугал, и он огрызнулся. Ты убил его, жестоко убил.

– Полагаю, это Кэтрин тебе рассказала.

– Нет, один из садовников, который все видел. Кэтрин об этом не знала. Я никому об этом не рассказывала.

– Сколько суеты из-за собаки, – угрюмо пробормотал он, а затем прежним тоном добавил: – Я говорил тебе, что всегда плачу по счетам. Я уверен, что с удовольствием сведу счета с Кэтрин.

– Джеймс, пожалуйста...

Встретив его взгляд, она поняла, насколько все бесполезно. Он легко рассмеялся.

– Мне доставит большое удовольствие увидеть Кэтрин на скамье подсудимых.

Этими словами Джеймс будто ударил ее. Он разворошил прошлое, сыграл на ее чувствах, на мгновение даже добился того, что тронул ее своим прежним шармом. А теперь вот

что. Если бы он в самом деле ударил ее по лицу, это не оскорбило бы ее больше. Риегта невероятно рассердилась. Потом она не могла вспомнить, что именно говорила. Из ее гнева рождались слова, которые она швыряла ему в лицо. Если бы у нее был в руках какой-нибудь предмет, она бы, наверное, запустила им в Джеймса.

Внезапно она испугалась собственного гнева, возникшего из прошлого – он пугал ее. Она сказала, задыхаясь:

– Я пойду.

Услышав эти слова, Кэтрин отошла от стеклянной двери и снова спряталась в кустах. Она увидела, как шторы отдернулись, и рывком распахнулась дверь. По ступенькам сбежала Риегта, в красном платье и с непокрытой головой.

Глава 13

Риетта открыла дверь и вошла в дом. На обратном пути она никого не встретила и ничего не слышала. Она так пылала от гнева, что не заметила отсутствия плаща, который остался лежать там, где она его положила, – в кабинете Меллинг-Хауса. Она совершенно о нем забыла. Она подумала о Карре, о Кэтрин, о своей вспышке гнева и пришла в ужас.

Открыв дверь, она прошла в гостиную. Фэнси, зевая, подняла на нее глаза.

– Вы пропустили девятичасовые новости.

Риетта инстинктивно бросила взгляд на старые круглые часы, висевшие на каминной трубе. Они показывали двадцать минут десятого. Эстрадный оркестр играл новую популярную песню в стиле свинг. Она протянула руку и выключила радио.

– Карр вернулся?

Фэнси снова зевнула. У нее были очень красивые зубы – белоснежные и ровные.

– Нет. Что с ним такое, мисс Крэй?

Риетта подошла и, нахмурившись, встала над ней.

– Я хочу, чтобы ты рассказала мне, что произошло, пока меня не было в комнате.

Фэнси, моргая, посмотрела на нее большими голубыми глазами. Она попыталась сдержать очередной зевок. Риетта

с раздражением подумала, что она очень похожа на сонного ребенка. Нельзя было винить ее за это, но в такой ситуации от сонного ребенка мало проку. Она повторила:

– Я хочу, чтобы ты рассказала мне, что произошло, пока я говорила по телефону.

– Ну... – Глаза Фэнси по-прежнему были широко раскрыты, а их взгляд немного расфокусирован. – По-моему, ничего особенного не произошло. Только под конец.

– И что случилось?

– Ну, мы листали газеты – те, что принес мистер Эйнджер, и я увидела шляпку, которая мне понравилась, и стала думать, как бы мне смастерить такую же, так что я не очень-то обращала внимание на Карра. Когда думаешь о чем-то особенном, не обращаешь внимание на то, что происходит вокруг. И тут вдруг Карр вскрикнул. Я подумала, что его кто-то ужалил или что-то в этом роде. Вид у него был ужасный, мисс Крэй, просто ужасный. И он сказал: «Проклятая сволочь!», а я спросила: «Где?», потому что не понимала, о чем он говорит; да и как мне было понять? А потом вы вошли, и он сказал, что мужчина на фотографии увел у него Марджори. И он спросил у вас, правда ли это Джеймс Лесситер. Марджори была его женой, верно? То есть женой Карра, а этот Джеймс Лесситер увез ее. Карр ведь не наделает глупостей?

– Нет, – ответила Риегта глубоким и решительным голосом, что, кажется, немного удивило Фэнси. Она заморгала.

– Прошлого ведь не вернешь, правда?

– Нет, – снова сказала Риегта.

Фэнси зевнула.

– Судя по тому, что я слышала, невелика была потеря. – Она снова моргнула. – Наверное, мне не следовало это говорить. Вы ведь ее не любили?

– Нет, не любила.

– Судя по рассказам, ее никто не любил. Полагаю, Карру с ней здорово досталось. Он ведь добрый. Когда я рассказала о нем маме, она сказала, что его чувства были сильно задеты. Она велела мне быть осторожной и внимательной. «Оставайся с ним, если хочешь, голубушка; или не оставайся, если не хочешь; но только не играй с ним». Так сказала мама.

– И что ты собираешься делать?

В другое время и при других обстоятельствах этот вопрос прозвучал бы саркастически. Сейчас же Риегта задала его совершенно просто, и Фэнси так же просто ей ответила:

– Я ему не нужна. Он сказал, что мы друг другу не подходим. Думаю, ему нравится та девушка, к которой он водил меня на чай, – Элизабет Мур. Он ведь любил ее, да?

– Очень давно.

– Почему же он на ней не женился?

– Он встретил Марджори.

Фэнси кивнула.

– Да, она из тех, кто уводит мужчин. Я встречалась с ней всего один раз, но было ясно, что она за человек. Ой, мисс

Крэй, что у вас с рукой? Она вся в крови!

Риетта посмотрела на правую руку. Поразительно, как сильно кровоточит эта маленькая царапина. В Меллинг-Хаусе она обернула ее носовым платком Джеймса Лесситера. Должно быть, повязка упала, пока они разговаривали, и кровотечение возобновилось. Риетта прошла по коридору в туалет и держала руку под холодной водой, пока не смыла засохшую кровь.

Глава 14

Элизабет Мур сидела с книгой на коленях, но не читала. Она выключила радио, прослушав заголовки девятичасовых новостей. Ее разум отказывался пересекать Атлантику и Ла-Манш, преодолевать просторы Европы и Азии и думать о глупостях, которые творят люди за сотни тысяч миль отсюда. Бывают моменты, когда мир сжимается до забот одного человека – вот так сжался сейчас мир Элизабет. В нем был только один человек – Карр. Она сама присутствовала в этом маленьком пустом мире лишь как стремление избежать боли; смутной угрозой маячила Фэнси; а Карр бродил по нему в одиночестве. Он страдал, а она не могла к нему пойти, дотронуться до него, помочь ему. Ей вспомнились строки из выученного еще в школе стихотворения:

Мы словно острова в житейском море...

Мы – миллионы смертных – одиноки!⁷

Это правда: в сущности, со всеми своими проблемами человеку приходится разбираться самому. Ей пришла в голову еще одна строка, на этот раз из Библии, полная неотступно печальной красоты: «Человек никак не искупит брата своего

⁷ Из стихотворения «К Маргарет: продолжение» английского поэта Мэтью Арнольда (1822–1888) в переводе Ольги Стельмак.

и не даст Богу выкупа за него: дорогá цена искупления души их»⁸.

С этими мыслями она протянула руку к книжной полке и взяла книгу, даже не взглянув, какую именно. Открытая книга теперь лежала у нее на коленях – черный шрифт на белой бумаге был для нее таким же мертвым, как если бы книга была написана по-финикийски.

Она не знала, сколько времени просидела так, как вдруг послышался легкий стук в окно. Комната, в которой она сидела, находилась в задней части дома. Элизабет подняла занавеску, но увидела лишь черную ночь, которая прижималась к стеклу снаружи, словно еще одна штора. Потом в темноте что-то зашевелилось, и появилась рука, поднятая для стука. Карр позвал ее по имени.

Окно было створчатое, с переплетом и низким подоконником. Она распахнула его, Карр перелез в комнату и закрыл окно за собой. Она опустила занавеску и увидела его мертвенно-бледное лицо и трясущиеся руки. Он ухватился за нее этими руками и придавил своим весом, пока она не дошла до стула и не рухнула на него. Карр оказался на коленях и прижался к ней головой, дрожа всем телом. Они словно споткнулись и сквозь твердый слой повседневности провалились в сон, где самые фантастические вещи так же естественны, как дыхание. Она обняла его и держала в объятиях до тех пор, пока он не перестал вздрагивать и не замер, прижавшись го-

⁸ Псалтирь 49:7.

ловой к ее груди. Она помнила, что назвала его по имени, а он снова и снова повторял ее имя, словно призыв о помощи. Она не помнила, говорила ли она какие-то другие слова. Эти слова были в ее мыслях, пульсировали в ее крови, но она не помнила, сорвались ли они с ее губ, или дошли до него беззвучно, словно чистая волна утешения и любви.

– Что случилось, милый?

Она услышала собственные слова и почувствовала, как он вздрогнул.

– Не отпускай меня.

– Карр, что случилось?

Он поднял голову и ответил ей очень тихо, почти шепотом, как будто ему с трудом давалось дыхание:

– Тот человек... о котором я тебе рассказывал... Тот, что увез Марджори и бросил ее... Я увидел его фотографию в газете... Это Джеймс Лесситер...

Она ахнула:

– Карр, что ты натворил?!

– Ничего... Но я подумал, что натворю... если останусь дома.

Сердце Элизабет все еще холодело от страха.

– Что произошло?

– Приходил Генри Эйнджер и принес Риегте газеты. Потом мы с Фэнси стали их листать, а Риегта пошла говорить по телефону. Я увидел фотографию этого человека, под ней стояла подпись – Джеймс Лесситер. Я говорил тебе, что Мар-

джори хранила его фотографию; эта была точно такая же. Вернулась Риегта, и я спросил ее: «Это Джеймс Лесситер?» Я не очень хорошо помню, что было потом. Она сказала: «Да», и я выскочил из дома. Я хотел найти его... Я знал, что убью его, если найду. Я шел пешком, не знаю, как долго.

Через его плечо она посмотрела на старые дедушкины часы, тикавшие медленно и торжественно.

– Уже почти половина десятого.

– Дорога сюда не могла занять час... Но наверное, это так... Думаю, я пошел другой дорогой... а потом подумал о тебе. А потом уже только о том и думал, как до тебя добратся. Я повел себя как чертов дурак...

– Неважно.

Ему пришло в голову, что в ее словах – смысл их отношений. Неважно, что он делал или говорил, что делали и говорили другие; уезжал ли он, забыв, или возвращался, вспомнив; в любую погоду, днем и ночью, год за годом связь между ними не прерывалась. Он не мог выразить это словами. Он смог лишь сказать: «Да, неважно» и снова положил голову ей на плечо.

Сильное душевное волнение предшествующего часа его покинуло и казалось теперь далеким и незначительным. Его место заняло чувство обновления. Они так и сидели в этой позе, не замечая времени. Наконец Элизабет сказала:

– Они же не знают, где ты. Они будут о тебе беспокоиться.

Мир Элизабет вернулся к нормальным размерам. В нем

теперь были другие люди – Риегта Крэй, которая наверняка страшно встревожена, и Джонатан Мур, который вот-вот вернется после вечерней партии в шахматы с доктором Крэдкоком. Она встала и пошла заваривать чай: принесла из кухни чайник и занялась разными мелочами, словно именно они воплощали заботу и любовь. Наверное, это был самый счастливый час в ее жизни. Получить назад все, что потеряла и на что даже не надеялась, снова иметь возможность дарить нерастраченное – это радость, которую не выразить словами.

Карр тоже молчал. Он прошел долгий путь: не две с половиной мили от Меллинга, но те пять лет, через которые снова вернулся сюда. Когда она сказала: «Тебе надо идти», он обнял ее и прошептал:

– Элизабет...

– Карр...

– Элизабет... Ты примешь меня назад?

– Ты этого хочешь?

– Ты же знаешь.

Помолчав, она спросила:

– А ты можешь... вернуться назад?

– Ты про Фэнси?

– Ты говорил, что не знаешь, помолвлен ли с ней.

Он неуверенно рассмеялся.

– Это была просто болтовня. Мы объяснились по дороге домой. Она милая малышка, правда – вполне рассудительная и практичная. «Без обид», как сказала бы ее достойная

уважения матушка, так что все в порядке. Я снова свалился тебе на голову. Ты примешь меня назад?

– Ничего не могу с собой поделаться. Да!

Глава 15

В Меллинг он возвращался спокойным шагом. Исчезло ощущение борьбы со временем и пространством, корабль его души крепко и надежно стоял на якоре. Все, что находилось по ту сторону унесшего его шторма, казалось теперь нереальным, словно сон, который вспоминаешь, проснувшись среди бела дня. Все это словно произошло давно и с кем-то другим. У него снова есть Элизабет. То, что он когда-то позволил ей уйти, казалось ему невероятным. Он стал на ходу планировать их совместную жизнь.

Карр вышел на край луга и увидел его словно темный растушеванный мазок под ночным небом. Луны и звезд не было, но после дороги, окаймленной высокой насыпью и спутанными рядами живой изгороди, казалось, что здесь светло. Вдалеке виднелись коттеджи и черный приземистый силуэт церкви. Он пошел по левой тропинке и поравнялся с Гейт-Хаусом. Сквозь занавески сочился свет; Кэтрин все еще не спала.

Какими важными могут оказаться мелочи! Если бы Кэтрин Уэлби легла в постель чуть раньше, многое случилось бы иначе. Свет, струившийся из-за ее бледных парчовых штор, прервал нить мыслей Карра, и они пошли в другом направлении. Раз Кэтрин не спит, значит, не спят и другие. Под «другими» подразумевался Джеймс Лесситер. Он услы-

шал слова Риетты: «Миссис Лесситер никогда ничего не выбрасывала, так что ему придется просмотреть гору бумаг».

Джеймс Лесситер, наверное, тоже не спит. Он мог бы закончить с этим отвратительным делом, стоящим между ними, и начать жизнь заново. Он больше не боялся себя. Он может войти, сказать этому мерзавцу все, что он о нем думает, и уйти. В голове Карра засела мысль, что лишь так он сможет полностью забыть о своем неудачном браке, который отнял у него все иллюзии, отнял счастье. Но Марджори мертва, и он должен был закрыть ее счет к Джеймсу Лесситеру. А трогать его он не станет – он скорее дотронется до падали. Он свернул с тропинки, прошел между высокими столбами и пошел вверх по аллее.

Настенные часы в Белом коттедже мягко пробили без четверти одиннадцать. Риетта Крэй недоверчиво подняла глаза: ей казалось, что они уличают время во лжи. Прошел час с тех пор, как Фэнси пошла спать, и два с четвертью с того момента, как Карр вылетел из дома. В обычный вечер это время пролетело бы слишком быстро. Она усердно трудилась весь день, но, вымыв посуду после ужина, могла оставить в стороне эту трудную послевоенную жизнь и превратиться в праздную женщину: повернув выключатель, она могла послушать концерт или пьесу; книга могла унести ее в другое время и место. Но сегодня ничего этого не было. Ничего не могло отвлечь ее напряженный мозг. Риетта не могла припомнить, когда испытывала столь гнетущий страх. Он был совершен-

но необоснованным, но она ничего не могла с собой поделать. Она повторяла себе, что завтра посмеется над этим, но завтра казалось очень далеким.

В доме стояла жуткая тишина. Она скучала по старому псу, умершему месяцем раньше, другу и спутнику последних пятнадцати лет. Ей нужно будет взять щенка, но в память о старом друге она отложила это дело. Ночью здесь слишком тихо для одинокого человека.

И тут в тишине послышались шаги – не со стороны входной двери, где тропинка огибала луг, а сзади, со стороны сада. Как и в доме Кэтрин, гостиная Риегты была шириной во весь дом, с окнами по обеим сторонам. Она услышала, как стукнула садовая калитка, услышала шаги у задней двери, а потом в доме. Она собиралась запереть дверь перед тем, как ляжет спать, но пока так ее и не закрыла. Пока она не спала и ходила по дому, ей бы не пришло в голову запираяться.

Однако сейчас звук шагов ее напугал. Они послышались со стороны леса – с той стороны, откуда она сама пришла полтора часа назад. Со стороны Меллинг-Хауса. Теперь они послышались в коридоре. Дверь отворилась, вошел Карр и закрыл ее за собой. Он прислонился к двери и сказал:

– Он мертв.

Риегта стояла и смотрела на него. Лицо его было бледным и суровым – ужасно бледным и ужасно суровым. В глазах не было исступления, но взгляд был настолько холодным, что внутри у Риегты все застыло. Не дождавшись от нее ответа,

Карр повысил голос, словно она была глухой, и повторил:

– Ты слышишь, Джеймс Лесситер мертв!

Она пробормотала: «Нет!», но не потому, что не поверила, а совсем наоборот. Это был последний протест против чего-то настолько ужасного, что она отказывалась принимать. Его следующие слова ножом полоснули по ее оцепеневшему рассудку:

– Зачем ты это сделала?

– Карр!

Он отошел от двери и подошел к ней, и тут Риегта увидела, что в руке у него ее скомканный плащ. Лишь теперь она о нем вспомнила – как бросила его на стул в кабинете Меллинг-Хауса и там и оставила.

Карр сунул плащ ей под нос.

– Ты совсем идиотка, раз оставила его там? На нем его кровь!

Риегта подняла голову. Происходящее было похоже на ночной кошмар, в котором ничто не имеет смысла. Но ее оцепенение стало постепенно проходить.

– Это моя кровь. Я оцарапала запястье, пока шла через лес.

Она повернула ладонь и показала царапину – тонкую алую линию, которая уже начала затягиваться.

Карр зло рассмеялся.

– Не будь дурой, Риегта, только не со мной! Нам нужно подумать...

– Я оцарапалась...

Он встряхнул плащ, поднял правый рукав и услышал, как она ахнула. Манжета насквозь была пропитала кровью. Мокрое красное пятно поднималось почти до локтя, пола плаща под ним была в брызгах и полосах крови.

– Ты оцарапала запястье?! Бога ради, не мели чепуху!

На мгновение пол поплыл под ее ногами, а перед глазами появился туман с красными пятнами. Потом она вновь овладела собой, и картинка перед глазами прояснилась.

– Карр, посмотри на меня!

Он поднял взгляд.

– И слушай! Я ничего об этом не знаю. После того как ты ушел, я испугалась того, что ты можешь сделать. Ты был потрясен. Я... Я испугалась. Я схватила первое попавшееся под руку пальто и побежала обходным путем в Меллинг-Хаус. Когда я пришла туда, в комнате было жарко, я бросила плащ на стул и думать о нем забыла. Я поговорила с Джеймсом, под конец мы поссорились. То есть это была не совсем ссора. Он сказал кое-что, что меня сильно обидело, и я ушла. Я так и не вспомнила про плащ.

Карр держал рукав на весу.

– Это его кровь.

– Я оцарапала запястье, потекла кровь. Он дал мне свой носовой платок. Наверное, его я тоже уронила...

– Ты думаешь вся эта кровь натекла из царапины на запястье?!

– Я этого и не говорю. Но я правда зацепилась за что-то в лесу, и крови было довольно много. – Она задрожала. – Но не настолько же! – Она помолчала минуту, изо всех сил стараясь взять себя в руки. Потом подошла к нему и сказала: – Карр, положи эту жуткую вещь и расскажи мне, что произошло. Мы говорим, не понимая друг друга. И ради бога, говори правду, потому что от всего остального не будет ни малейшего толка.

Он уронил плащ на пол, где тот и остался лежать бесформенной кучей. Но взгляд Риетты был прикован к жесткому смуглому лицу Карра.

– Хорошо, я тебе расскажу. Когда я вышел отсюда, я не понимал, что делаю. Я шел пешком почти до изнеможения, потому что если бы я этого не сделал, то пошел бы в Меллинг-Хаус и избил бы Джеймса Лесситера. Я шел, наверное, около часа и остановился у дома Джонатана Мура. Элизабет была дома одна. Я остался у нее, пока не взял себя в руки. Мы... – лицо его изменилось, – она приняла меня назад. Когда я уходил от нее, я больше не хотел его убивать. Я просто хотел избавиться от этого груза. Это правда, Риетта. Когда я возвращался домой, то увидел, что в доме Кэтрин горит свет. Я подумал, что время, наверное, еще не слишком позднее, Лесситер тоже не спит, и я могу обо всем ему сказать и начать жить с чистого листа. Я не собирался его трогать. Я хотел дать ему понять, что мне все известно, и высказать все, что я о нем думаю. Наверное, это глупо с моей стороны,

но так мне в тот момент казалось. Я подошел к дому и увидел, что все окна на фасаде темные. Я решил, что если он не спит, то сидит в кабинете, поэтому обошел дом, подошел к стеклянной двери и увидел, что она приоткрыта...

Риетта часто задышала.

– Я не помню... Не помню, закрыла ли я ее. Наверное, нет – я была слишком зла...

Он усмехнулся:

– Зла?! Я бы не стал об этом сильно распространяться!

– Это из-за Кэтрин... Неважно. Продолжай, Карр.

– Я открыл дверь и вошел. Шторы изнутри были задернуты, горела лампа на потолке. Он лежал, распластавшись, на письменном столе, с разmozженной головой.

– Карр!

Он кивнул.

– Зрелище то еще. Похоже, он сидел на стуле, и его ударили по голове сзади. На коврикe у камина лежала кочерга. Без сомнения, ею его и убили.

– Какой ужас!

– Смотреть неприятно, да. Вероятно, смерть была мгновенной. Ты ведь не ждешь, что я стану его жалеть? Как бы нам не пришлось очень сильно пожалеть самих себя – если мы не проявим осторожность.

– Продолжай.

– Эта веселая мысль посетила меня в первые пять секунд. Когда я увидел плащ, эта мысль лишь укрепилась. Плащ был

вывернут, так что полосатая подкладка показалась мне знакомой. Я подошел, присмотрелся и увидел свои инициалы на воротнике. После этого я вытер ручку кочерги испачканным кровью носовым платком, который, кажется, упал в камин.

Она вздрогнула.

– Он дал мне его, чтобы я вытерла запястье. Не надо было тебе вытирать ручку.

Он смерил ее осуждающим взглядом.

– Это почему же? Если мой плащ лежал там, значит, его кто-то принес, так? Это был не я. Оставалась лишь ты.

– Карр!

– Что толку повторять «Карр!»?! Если ты с ним поругалась и ударила его, то наверняка убежала и не подумала об отпечатках пальцев. Но если это был кто-то другой, достаточно умный, чтобы воспользоваться моим плащом, то он наверняка уже протер ручку кочерги; по крайней мере, так я подумал в тот момент. Я протер ручку и бросил платок в огонь; правда, он уже почти погас из-за пепла. Не знаю, сгорел ли он, да это и не важно. Потом я вытер своим платком край двери, взял плащ и ушел.

Риетта снова коротко вздохнула.

– Тебе следовало позвонить в полицию.

– Я, может, и дурак, но не конченный. – Затем он поднял плащ. – Надо смыть с него кровь. Как это лучше сделать?

– Холодной водой. Карр, мне это не нравится. Мы должны сообщить в полицию – мы ведь ничего дурного не сделали.

Впервые он до нее дотронулся – крепко, до синяков сжал плечо.

– У тебя обычно хорошо работает голова, так воспользуйся ею! На основании имеющихся доказательств, как ты думаешь, найдется ли дюжина людей, которые поверят, что я этого не делал?

– Ты?

– Или ты.

Ее словно оглушили. Она поднесла руку к голове.

– Дюжина людей?..

Он повернулся к двери.

– В суде присяжных двенадцать человек, Риегта.

Глава 16

Мистер Стоукс начал разносить молоко в семь часов утра. Он добрался до Меллинг-Хауса в семь двадцать и застал там то, что впоследствии описывал как «внушающее ужас положение дел». Задняя дверь была открыта, но в этом не было ничего необычного. Для него было в порядке вещей занести молоко на кухню и сказать «Не откажусь», когда миссис Мэйхью предложит ему чашку чая. Но в это утро никакого чая не было – миссис Мэйхью сидела очень прямо на кухонном табурете и крепко держалась за него обеими руками. Казалось, она боится упасть, если отпустит руки. Она сидела и смотрела на мистера Стоукса, но вряд ли она его видела: лицо у нее было белое, словно творог, а взгляд остановившийся. Мистер Стоукс и припомнить не мог, когда был так потрясен.

– Да что же такое случилось, миссис Мэйхью? – спросил он, но в ответ получил лишь молчание и этот неподвижный взгляд. Он поставил молоко на буфет и пошел искать мистера Мэйхью, потому что был совершенно уверен, что тут что-то не так, а уйти и оставить миссис Мэйхью в таком состоянии он не мог.

Он прошел через кухню к двери в дальнем конце и открыл ее. Дальше начинался полутемный коридор, и дверь в буфетную была широко открыта. Он видел правое плечо и руку

Мэйхью, державшую телефонную трубку. И рука, и плечо тряслись. Когда в поле зрения появилась его голова, она тоже тряслась – не так, словно Мэйхью ею качал, а так, словно он весь дрожал, как приготовленное его женой желе. У него стучали зубы. У мистера Стоукса сложилось впечатление, что телефонный собеседник Мэйхью никак не мог разобраться, что он пытается сказать. Было очевидно, что на том конце провода его убеждают говорить громче и более отчетливо. Он сказал: «Я постараюсь» и снова весь затрясся, добавив: «Это от потрясения... Я нашел его... Это ужасное зрелище... О боже!»

У мистера Стоукса в деревне была вполне обоснованная репутация человека, всюду сующего свой нос. Он больше не мог сдерживаться. Любому дураку было ясно, что что-то случилось. Мистер Стоукс вовсе не считал себя дураком и поэтому сразу сообразил, что это что-то – если не убийство, то уж точно внезапная смерть. С дружеским и приветливым видом он подошел к трясущемуся мистеру Мэйхью и приобнял его за плечи.

– В чем дело, старина? С кем ты говоришь – с полицией? Вот, выпей-ка воды, это поможет, вот увидишь.

Он налил в чашку воды из-под крана, вынул трубку из безжизненной руки мистера Мэйхью и прижал ее к уху.

– Але! Это Стоукс, молочник. Это полиция?

Голос, похожий на голос рослого полисмена, ответил, что так оно и есть. Он также спросил, причем тут мистер Стоукс.

– Да я просто занес молоко и вижу, что мистер Мэйхью совсем не в форме, чтобы сделать какое-то заявление. Так что я дал ему выпить воды и сказал, что подержу трубку. Это же полицейский участок в Лентоне, верно?

Голос это подтвердил и потребовал, чтобы Мэйхью снова подошел к телефону.

– Полегче, полегче, – сказал мистер Стоукс. – Тут что-то нехорошее творится, как по мне. Миссис Мэйхью вот-вот хлопнется в обморок в кухне, а этот бедолага выглядит так, словно его подняли для расстрела. Он пролил половину воды, что я ему дал, вместо того чтобы выпить ее. Слушайте, погодите чуток, я попробую вытянуть из него, что тут такое случилось.

Констебль Уиткомб нетерпеливо ждал. До него доносились бессвязные и весьма раздражающие звуки. Кто-то хватал ртом воздух и задыхался, а поверх этого накладывался голос мистера Стоукса, который, кажется, пытался применить к собеседнику лечебную смесь из слов утешения и ободрения. Потом мистер Стоукс очень отчетливо и резко воскликнул: «Боже!», а следом повисла пауза, которая длилась так долго, что констебль Уиткомб соединился с телефонной станцией, желая выяснить, почему его разъединили. Телефонистка довольно жестко ответила, что разъединения не было. После этого послышалась еще пара резких вдохов, а затем топот бегущих ног. Мистер Стоукс снова был на линии, голос его стал выше на целую октаву, и из него улету-

чилась невозмутимость.

– Мистер Лесситер, – начал он. – Убит в собственном кабинете! Ему пробили голову кочергой. Вот что мистер Мэйхью пытался вам сказать, а вы не могли разобрать, но оно и неудивительно. Я только что ходил туда взглянуть, и у меня прямо-таки ноги подкосились. Нет, конечно, я ничего не трогал! За кого вы меня принимаете? Пятилетний ребенок знает, что ничего нельзя трогать на месте преступления... Нет, дверь я не трогал, да и незачем было. Она стояла нараспашку, после того как мистер Мэйхью заглянул туда и увидел эту жуткую сцену. Он помчался обратно в буфетную, и я его ничуть не виню. Как по мне, лучше бы вам поскорее прислать сюда кого-нибудь... Ладно, ладно, ладно, я ничего такого не говорил! Нечего меня так отчитывать, я просто стараюсь помочь!

Молоко в то утро все получили с большим опозданием. Задержка была вызвана не только происшествием в Меллинг-Хаусе. Мистер Стоукс, заглядывая в каждый дом, на всю катушку пользовался тем драматичным фактом, что он оказался на месте совершенного преступления практически в тот момент, когда оно было обнаружено. К тому времени, как он дошел до дома миссис Войси на противоположной стороне луга, он не только затвердил свой рассказ назубок, но был так же в состоянии повторить свои наблюдения за тем, как люди воспринимали эту новость.

– Миссис Уэлби, та выглянула в окно, чтобы попросить

еще полпинты, и когда я ей все рассказал, она, должно быть, резко села, потому что только что она была в окне – и вдруг исчезла, так что я подумал, вдруг она упала в обморок от потрясения. Я окликнул ее, спросил, все ли в порядке, и она снова выглянула, бледная как смерть, и спросила: «Вы уверены?» А когда я сказал, что видел его собственными глазами, она воскликнула: «Боже мой, какой ужас!»

Кажется, он повторил разные версии этой фразы у каждого дома. И он, и его слушатели сожалели, что он не знал реакции обитателей Белого коттеджа, так как молоко для Ритеты Крэй он, к несчастью, доставил до того, как пошел в Меллинг-Хаус.

Полная пожилая экономка миссис Войси слушала его рассказ с тем же дружеским интересом, с которым она в прошлом году узнала о рождении близнецов в семействе Стоукс и о кончине дяди миссис Стоукс, который женился в четвертый раз в возрасте восьмидесяти девяти лет и оставил своей коварной вдове дом и приличную сумму денег в банке. «Красит волосы и прикидывается, что ей меньше тридцати!» – к такому заключению пришел разозленный мистер Стоукс. На все эти новости у миссис Крукс был одинаковый ответ: «Ну и ну!», за которым следовало: «Кто бы мог подумать!» Сообщение об убийстве Джеймса Лесситера не вызвало у нее более эмоциональной реакции. Однако, внимательно выслушав все сказанное мистером Стоуксом и закрыв за ним дверь, она прошла в столовую, где сидели за завтра-

ком миссис Войси и мисс Сильвер, и пересказала им полученные сведения – медленно и неуклюже, но во всех подробностях.

– Мистер Стоукс подождал, пока приедет полиция. Он не знает, пропало ли что-нибудь из дома, но в камине было полно сожженных бумаг, а бедный джентльмен сидел с проломленной головой, и кочерга лежала на каминном коврике. Мистер Стоукс оставил нам две пинты сегодня, но он не знает, сможет ли и дальше приносить столько же.

– Боже правый! – воскликнула Мисс Сильвер.

Миссис Войси отмахнулась от молока.

– Господи, Бетси, не говорите о еде! У полиции есть какие-нибудь зацепки?

– Ну, мистеру Стоуксу они про это ничего не сказали. Там были констебль, и инспектор, и комиссар; когда он ушел, они там делали фотографии, снимали отпечатки пальцев и все такое. Он, правда, сказал, что кто-то, похоже, пытался сжечь завещание несчастного джентльмена. Оно обгорело с одной стороны.

– Завещание?! – почти закричала миссис Войси.

Миссис Крукс задумчиво поглядела на нее и сказала невозмутимо:

– Да, говорят, что он все оставил мисс Рьетте Крэй.

Глава 17

Комиссар Дрейк из полиции округа сидел в одном из обитых гобеленом кресел в комнате экономки Меллинг-Хауса. В другом кресле сидела миссис Мэйхью. Констебль Уиткомб налил ей чашку чая, а Мэйхью добавил туда виски из ящичка, который привез с собой Джеймс Лесситер. Если бы миссис Мэйхью была в состоянии связно мыслить по поводу хоть чего-либо, кроме одной-единственной ужасной темы, ее весьма поразила бы идея употреблять спиртное столь ранним утром. Она наконец вышла из своего мертвенного оцепенения. Виски ударило ей в голову и спутало мысли, но при этом развязало ей язык. Однако одно она ни за что не собиралась рассказывать, даже если ее станут жечь на костре (ей не приходило в голову, насколько маловероятен такой способ убеждения). Она никому не скажет, что Сирил приехал из Лентона на велосипеде, который одолжил у Эрни Уайта. Что скажет на это Фред? Фред об этом не знал и не узнает. Что проку говорить, что с Сирилом покончено и что он не потерпит его визитов? Нельзя порвать с собственной плотью и кровью, все равно что отрезать себе руку и сказать, что ты легко без нее обойдешься. Ей придется постараться, чтоб Фред не узнал о том, что Сирил приезжал, и... и обо всем остальном. Ее снова охватил ужас: он не должен узнать; полиция не должна узнать; никто не должен узнать – *никогда*.

Она сидела в гобеленовом кресле, не откидываясь назад на удобную лоскутную подушечку, доставшуюся ей по наследству от ее тети Эллен Блэлок; она сидела прямо, в своем голубом переднике, очень чистом и немного полинявшем; руки ее были крепко сцеплены, а глаза пристально смотрели в лицо комиссара. Он не так давно появился в Лентоне, и прежде она его не видела. Пройди она мимо него на улице, подумала бы лишь, что волосы у него рыжие, потому что они ей не нравились. Рыжие волосы и ресницы придают человеку какой-то лисий вид. У нее в семье рыжих никогда не было, но разумеется, ее не касалось, какая внешность у других людей: она не из тех, кто вмешивается в дела посторонних, не то что некоторые. Ей было все равно, был ли комиссар Дрейк темноволосым, блондином или рыжим. Только вот, как он ни выгляди, он был из полиции, и она не должна позволить ему узнать про Сирила. От овладевшего ею ужаса она задрожала всем телом.

Комиссар сказал:

– Ну же, миссис Мэйхью, вам незачем нервничать, – успокоил ее комиссар. – Вы пережили потрясение, и мне жаль вас беспокоить, но я вас долго не задержу. Мне лишь нужно узнать, в котором часу вы вчера вернулись домой. У вас ведь был выходной во второй половине дня, верно?

– Да, сэр.

Она смотрела на него, но даже не отводя от него взгляда, увидела, что сидящий за столом молодой человек записал ее

слова. Они все записывают. Но это не имеет значения, если она ни слова не скажет про Сирила. Комиссар вновь заговорил:

– А что вы обычно делаете, когда у вас свободна вторая половина дня?

– Ездим в Лентон.

– Каждую неделю?

– Да.

Цепкая хватка страха ослабла. Он ничего не спрашивает о Сириле, только о том, что они делают в свой выходной – неделя за неделей в течение бесчисленных лет.

– Мы ходим по магазинам, а потом идем на чай к сестре мистера Мэйхью, миссис Уайт.

– Да, ваш муж дал нам ее адрес.

Эрни... Эрни и его велосипед... Не надо было ей упоминать про Эмми Уайт. Но это не она – это Фред, и Фред дал им ее адрес. Она смотрела на комиссара, словно кролик на удава.

– А после чая, миссис Мэйхью?

– Мы идем в кино.

– Каждую неделю?

– Да, сэр.

– Что ж, привычка делать все в определенное время – это прекрасно. Я и сам такой, когда выпадает возможность. А теперь скажите мне, миссис Мэйхью, почему вы не пошли в кино вчера? Ваш муж говорит, что вы вернулись ранним ав-

тобусом. Он придерживался вашей постоянной программы, а вы нет. Почему?

– Я выехала автобусом в шесть сорок.

– Да, он доезжает до Меллинга в семь, так? Почему вы вернулись раньше, а не пошли в кино с мужем?

– У меня разболелась голова.

– Вы раньше уже возвращались так, без мужа?

– Мистер Лесситер был здесь...

– И?

Ответа не последовало. Комиссар продолжил:

– Вы ведь оставили ему холодный ужин?

– Да, сэр.

– Значит, вы вернулись не из-за мистера Лесситера.

Стать бледнее она уже не могла, но на лбу у нее выступил пот.

– У меня болела голова.

– Понятно. А теперь расскажите мне, что именно вы делали, когда вернулись.

Она крепко сцепила руки. Ей надо рассказать ему все как было, только ничего не говорить про Сирила – про то, как она пошла к задней двери, и как Сирил сказал: «Я успел. Эр-ни дал мне свой велосипед. Если бы я приехал на автобусе, в Меллинге каждая собака узнала бы об этом». Ей нужно промолчать обо всем, что касается Сирила, и честно рассказать обо всем остальном. Она облизнула онемевшие губы.

– Я пришла домой, сделала себе чаю...

Ей нельзя говорить про то, как она кормила Сирила ужином, и как он вдруг сказал: «Я должен раздобыть денег, мама. У меня проблемы».

Голос комиссара заставил ее подпрыгнуть.

– А вы вообще видели мистера Лесситера? Вы говорите, что приехали домой отчасти из-за него. Вы заходили в кабинет, чтобы спросить, не нужно ли ему чего-нибудь?

Увидев, что она вздрогнула, он подумал: «Она что-то скрывает». К ответу ее подтолкнул инстинкт, как это бывает со слабыми напуганными созданиями. Она ответила, тяжело дыша:

– О да, сэр.

– В котором часу это было?

– Незадолго до новостей.

– Около девяти? – Он нахмурился.

– Все верно.

– Вы ведь пришли, когда еще не было четверти восьмого, так?

– Да, сэр.

– Но вы пошли узнать, не нужно ли чего мистеру Лесситеру, только около девяти часов?

Она ответила слабым голосом:

– У меня сильно болела голова... Мне пришлось присесть ненадолго... Я вообще не очень хорошо соображала.

– С четверти восьмого до девяти – большой промежуток времени.

Большой... Ужасно большой промежуток. Сирил положил голову к ней на колени и заплакал... Она ответила тем же слабым голосом:

– Я не заметила, как время прошло. Потом сделала себе чаю и пошла в кабинет.

– И вы видели мистера Лесситера?

На щеках миссис Мэйхью на миг появился слабый румянец – результат выпитого виски и отчаяния.

– Нет, сэр, я его не видела.

Глаза, окаймленные рыжими ресницами, вперились в нее как два буравчика.

– Вы пошли в кабинет, но не видели его?

Миссис Мэйхью кивнула, сидя прямо и до синяков щипая левой рукой правую.

– Я пошла в кабинет, как и сказала, чуть-чуть приоткрыла дверь...

– И?

Она перевела дух и сказала дрожащим голосом:

– Там была мисс Рьетта Крэй.

– Кто такая мисс Рьетта Крэй?

– Она живет в Белом коттедже – от ворот налево.

– Продолжайте.

– Я не собиралась подслушивать... Я не стала бы делать ничего подобного. Я просто хотела понять, стоит ли мне входить. Вам не скажут спасибо, если вы помешаете приватному разговору.

– А у них был приватный разговор?

Миссис Мэйхью энергично кивнула.

– Мистер Лесситер говорил, что ему не особо хочется, чтоб его убили.

– Что? – воскликнул комиссар Дрейк.

Миссис Мэйхью снова кивнула.

– Так он сказал. А потом продолжил: «Странно, что ты пришла именно сегодня, Риегта. Я жег твои письма...» Тогда-то я и поняла, что он разговаривает с мисс Крэй. А потом он сказал что-то о первом сне любви.

– Они были помолвлены?

Она снова кивнула.

– Дело было лет двадцать назад... Скоро уже двадцать пять. Так что я подумала, что лучше мне не входить.

– Вы слышали что-нибудь еще?

– Я не из тех, кто подслушивает!

– Разумеется, нет. Но может, вы случайно услышали что-нибудь, прежде чем закрыли дверь. Вы ведь слышали, так?

– Ну да. Он говорил еще о том, что достал все бумаги в поисках какого-то документа, который мать оставила ему.

– Он искал ее записи?

– Да, точно.

Внутренний страх отпустил ее. Все это было просто, и говорила она чистую правду. С ней все будет в порядке, пока она говорит правду и не упоминает о Сириле. В ее голове возникла картинка: Сирил в кухне, крутит ручки радио,

а она сама далеко от него, у двери кабинета. Инстинкт подсказывал ей там и оставаться, и извлечь из этого положения максимум пользы; тот же инстинкт заставляет птицу притворяться раненой и уводить кошку от гнезда. Она повторила предложенное комиссаром слово:

– Записи, которые оставила ему мать. Когда он их искал, он нашел письма мисс Риегты... и кое-что еще.

– Что именно?

– Мне не было видно, дверь была открыта лишь на дюйм. Судя по тому, что он сказал, это было завещание, сэр. Кажется, он показывал его мисс Риегте, и она сказала: «Какой абсурд!», а мистер Лесситер засмеялся и согласился с ней. А потом сказал: «Все мое имущество оставляю Риегте Крэй, проживающей в Белом коттедже, Меллинг».

– Вы точно слышали, как он сказал это мисс Крэй?

– О да, сэр. – Взгляд ее был прямым и честным.

– Вы слышали что-нибудь еще?

– Да, сэр. Я бы не стала там задерживаться, но была слишком поражена. Я услышала, как он сказал, что так и не составил другого завещания. «И если бы юный Карр убил меня сегодня, ты бы унаследовала весьма солидное состояние». От его слов у меня мурашки побежали по спине, так странно я себя почувствовала. Тогда я прикрыла дверь и вернулась в кухню.

Комиссар задумчиво хмыкнул, а потом спросил:

– Кто такой юный Карр?

– Племянник мисс Риетты, мистер Карр Робертсон.

– Зачем ему убивать мистера Лесситера? Вам известна какая-нибудь причина?

– Нет, сэр.

– Вам неизвестно о какой-либо ссоре между ними?

– Нет, сэр...

Она заколебалась.

– Да, миссис Мэйхью?

– Миссис Феллоу – она помогает по хозяйству здесь и ходит к мисс Крэй по субботам – она только вчера сказала, что, по ее мнению, странно, что мистер Лесситер ни разу за двадцать лет не приезжал сюда и почти никого не знает в деревне, хотя родился и вырос здесь. Я сказала, что его здесь почти никто не знает в лицо, а она согласилась и упомянула мистера Карра. Кажется, она слышала, как он сказал, что не узнал бы мистера Лесситера, если бы встретил его; но я не знаю, почему он это сказал.

Комиссар снова хмыкнул – может, заподозрил отвлекающий маневр. Он твердо вернул миссис Мэйхью к событиям прошлого вечера.

– Вы вернулись в кухню, не став слушать дальше. Это было примерно в десятом часу?

– Да, сэр, по радио передавали новости.

На висках у нее выступил пот: не надо было ей этого говорить, ох не надо. Сирил крутил ручки радио, Сирил включил новости...

– Вы оставили радио включенным?

Щеки ее вспыхнули, а ступни заледенели.

– Да, сэ,р, – хоть какая-то компания.

– Вы возвращались в кабинет позже?

Она кивнула.

– Да, я решила, что надо зайти.

– В котором часу это было?

– Без четверти десять. Я подумала, что мисс Рьетта уже ушла.

– Вы видели мистера Лесситера на этот раз?

– Нет...

Это было сказано шепотом, потому что тут ей внезапно пришло в голову, что, когда она пришла во второй раз, мистер Лесситер мог уже быть мертв, и если бы она открыла дверь пошире и вошла, она увидела бы его лежащим на столе, с разmozженной головой. Это сделал не Сирил... Это сделал не Сирил... *Не Сирил!*

– Что вы сделали?

– Я приоткрыла дверь, как и в первый раз, тихонько. Никто не разговаривал. Я подумала, что мисс Рьетта ушла, и приоткрыла дверь еще немного. И тут я увидела плащ мисс Рьетты, он лежал на стуле.

– Как вы поняли, что это ее плащ?

– Видна была часть подкладки – рисунок типа шотландки с желтой полоской. На самом деле это плащ мистера Карра, он старый, и мистер Карр оставляет его в коттедже. Мисс

Риетта иногда надевает его под настроение.

– Продолжайте.

– Я закрыла дверь и ушла.

– Почему вы так поступили?

– Я подумала, что мисс Риетта не ушла. В комнате было совсем тихо. Я подумала...

Было понятно, что она подумала. Все в деревне знали, что Джеймс Лесситер и Риетта Крэй в молодости любили друг друга. Все сочли бы совершенно правильным и естественным, если бы они вновь сошлись. Комиссар решил, что миссис Мэйхью говорит правду. Интересно, есть ли у нее еще что рассказать. Вид у нее неуверенный, руки на коленях ерзают.

– Ну? В чем дело? – спросил он.

Миссис Мэйхью облизнула губы.

– Плащ, сэр... Я не могла не заметить...

– Что вы заметили?

– Рукав свисал, так что я не могла не увидеть...

– И что же вы увидели?

Миссис Мэйхью ответила дрожащим голосом:

– Манжета... она была вся в крови...

Глава 18

Между одиннадцатью и двенадцатью часами комиссар Дрейк добрался до Белого коттеджа. Мисс Крэй была дома и приняла его в гостиной. Она была очень бледна, но очень хорошо держала себя в руках. Бросив на нее оценивающий взгляд из-под рыжих ресниц, он решил, что она могла совершить преступление, но если бы сделала, то не потеряла бы присутствия духа и не оставила бы свой плащ у всех на виду. Если она его действительно там оставила. Может, и не оставляла; может, она все еще была в комнате, когда экономка заглянула туда во второй раз. Миссис Мэйхью говорит, что видела плащ с кровью на рукаве без четверти десять, но утром, когда Мэйхью обнаружил тело, плаща там не было. Его могли унести оттуда в любой момент за этот промежуток времени. Если мисс Крэй была в комнате без четверти десять, она могла забрать его, уходя. Если она к тому времени уже ушла, то могла вернуться за ним позже – она или ее племянник.

Все это комиссар держал в голове, усаживаясь на предложенный стул. Констебль Уиткомб тоже сел, вынул блокнот и приготовился писать. Дрейк пристально смотрел на мисс Крэй, произнося имя Джеймса Лесситера. Ее лицо не изменилось.

– Вы слышали о смерти мистера Лесситера?

Ответом было спокойное, сказанное довольно глубоким

ГОЛОСОМ «да».

– Когда вы слышали об этом, мисс Крэй? И как?

– Ко мне пришла миссис Уэлби. Она узнала об этом от молочника.

– А вам он об этом не сказал?

– Он заходит сюда до того, как пойти в Меллинг-Хаус.

– Вы были сильно потрясены и поражены?

– Да.

Их разделял обеденный стол. Его стул стоял боком. Теперь комиссар Дрейк повернул его, чтобы смотреть прямо на нее.

– Мисс Крэй, вы можете рассказать мне о своих перемещениях прошлым вечером?

– Моих перемещениях?

Он осознал, что испытывает легкое чувство удовлетворения. Когда кто-то повторяет ваши слова, будь то мужчина или женщина, это означает лишь одно – человек в замешательстве и пытается выиграть время. Он решил, что мисс Ригетте Крэй не помешает небольшая встряска, и перешел в наступление.

– У вас сейчас гостит ваш племянник, мистер Карр Робертсон? И его подруга...

Ригетта Крэй назвала имя:

– Фрэнсис Белл.

– Я хотел бы знать, чем вы все занимались вчера вечером.

– Мы были здесь.

– Вы не покидали дом? Вы совершенно в этом уверены? Миссис Мэйхью утверждает, что слышала, как мистер Лесситер обращался к вам по имени, когда она подходила к двери кабинета около девяти часов.

Она вспыхнула от гнева, серые глаза засверкали. Если бы комиссар изучал классическую литературу, сейчас он вспомнил бы известные строки Вергилия о «самой богине»⁹. Но хоть он и не был знаком с классикой, у него все же возникло впечатление, что мисс Крэй – удивительно красивая дама с взрывным характером. И решил, что ему удалось хорошенько ее встряхнуть. Однако, не отводя от него прямого взгляда, она сказала:

– Миссис Мэйхью совершенно права. Я приходила к мистеру Лесситеру между половиной девятого и четвертью десятого.

– Вы вернулись сюда в четверть десятого?

– Мисс Белл вам подтвердит. Когда я вошла, она заметила, что я пропустила девятичасовые новости.

– Мисс Белл? А как насчет мистера Робертсона?

– Его не было в комнате.

– Он был в доме?

– Нет. Он вышел прогуляться.

Комиссар приподнял рыжие брови.

– В такой час?

– А почему нет?

⁹ Имеются в виду строки из «Энеиды» Вергилия, посвященные Венере.

Он оставил эту тему.

– Мисс Крэй, я должен расспросить вас о вашем визите в Меллинг-Хаус. Вы с мистером Лесситером давние друзья?

– Я не видела его больше двадцати лет.

– Вы были с ним помолвлены?

– Больше двадцати лет назад.

– Между вами произошел разрыв. Вы поссорились?

– Я бы так не сказала.

– Кто из вас разорвал помолвку?

– Я.

– Почему?

– Мне кажется, это мое личное дело.

Ее серые глаза были злы, насмешливы и очень красивы. Он никогда раньше не видел таких красивых глаз. Он подумал, что женщина, которая может вложить в свой взгляд столько злой насмешки, вполне может совершить и убийство, если ее до этого довести. Он спросил:

– Мисс Крэй, вы знали о том, что мистер Лесситер составил завещание в вашу пользу?

– Он показал мне его вчера вечером. Я сказала ему, что это абсурд.

– Он ведь жег ваши письма, так?

– Если миссис Мэйхью подслушивала под дверью, она наверняка вам об этом рассказала.

– Он жег ваши письма, а потом показал вам завещание двадцатичетырехлетней давности. И его он тоже бросил в

огонь.

– Нет. В огонь его бросила я.

– Ах, это были вы?

– Все это настоящий абсурд – завещание, составленное во времена, когда были помолвлены юноша и девушка. Я бросила бумагу в огонь, но он ее оттуда выхватил. Если миссис Мэйхью подслушивала, она сможет это подтвердить. Я бы хотела, чтобы вы поняли: мистер Лесситер... – она сделала паузу и продолжила: – ...развлекался.

– Вы хотите сказать, что он не был серьезен?

– Конечно, не был. Он дразнил меня. Он видел, что я раздражена, и его это забавляло.

– Вы были раздражены?

– Мне все это очень не нравилось.

Он наклонился в ее сторону, облокотившись на стол.

– А когда мистер Лесситер говорил о том, что мистер Карр Робертсон может его убить, он тоже развлекался?

Она могла контролировать свой голос, но не кипевший в крови гнев.

– Разумеется! – Рietta почувствовала, как пылает ее лицо.

– Вы хотите сказать, что он шутил. Но даже для шутки должна быть причина. С чего бы он стал так шутить?

– Не могу сказать.

– Миссис Мэйхью утверждает, что в какой-то момент он сказал, что не имеет никакого желания быть убитым. А позже, когда он показал вам завещание и прочел: «Все мое иму-

щество оставляю Риетте Крэй, проживающей в Белом коттедже, Меллинг», она услышала, как он сказал: «Если бы юный Карр убил меня сегодня, ты бы унаследовала весьма солидное состояние». Он ведь сказал это, мисс Крэй?

– Что-то в этом роде. Я же сказала вам, что он развлекался. Люди не говорят такие вещи всерьез.

– В каждой шутке есть доля правды. Убийство – это серьезно, мисс Крэй. Мистера Лесситера вчера убили. Судя по имеющимся у нас доказательствам, вы были последней, кто видел его живым. Зачем вы к нему пошли?

– А разве нельзя? – хладнокровно спросила она.

– Я спросил вас, почему вы пошли.

– Почему люди что-то делают? Я решила, что пойду, и пошла.

– Это был внезапный порыв?

– Можете назвать это так.

– На вас была верхняя одежда?

– Разумеется.

– Что именно вы надели?

– Я взяла плащ, висевший в холле.

– Это был плащ вашего племянника?

– Возможно. Я взяла первое, что попало под руку.

– Вы были в нем, когда вышли из дома?

– Естественно.

– И когда вернулись тоже?

Она снова вспыхнула и посмотрела на него.

– Комиссар Дрейк, к чему все эти расспросы о плаще? Я его надевала, и он висит на вешалке в холле.

– Тогда я хотел бы взглянуть на него, мисс Крэй.

Она старалась сохранить храбрый вид, но под ним прятался страх, от которого внутри все сжималось. Она решила говорить правду столько, сколько сможет, или молчать. В холле висело несколько старых плащей, поэтому она могла бы сказать, что надела другой... Нет, не могла бы. Если тебя воспитали правдивым человеком, то лгать бывает очень трудно, а уж лгать убедительно – и вовсе невозможно. Риетта Крэй по натуре была простым, прямолинейным и правдивым человеком. Она не могла солгать. Через мгновение она этому даже обрадовалась, потому что комиссар Дрейк прошел вдоль вешалки с верхней одеждой, выворачивая каждый предмет так, чтобы увидеть подкладку. Когда он нашел клетчатую подкладку с желтой полоской, он остановился, снял плащ с крючка и вернулся в столовую. Она шла за ним с тяжелым холодеющим сердцем. Раз он узнал плащ Карра, значит, кто-то в Меллинг-Хаусе видел и описал его. Миссис Мэйхью подслушивала, если она приоткрыла дверь, то могла увидеть плащ. Это не имело значения, потому что комиссар уже знал, что Риетта разговаривала с Джеймсом Лесситером. Но что если миссис Мэйхью вернулась позже и увидела плащ в том состоянии, в котором Карр принес его домой – рукав пропитан кровью, вся правая пола в кровавых брызгах и пятнах...

Утренний свет был тусклым; комиссар подошел к окну, стал осматривать и ощупывать плащ и вдруг воскликнул:

– Он сырой! Этот плащ стирали. – Он держал плащ в вытянутой правой руке и указывал на него левой. – Вся правая сторона была выстирана – она влажная. Зачем вы его постирали, мисс Крэй?

Сейчас она не злилась, но была бледна и сдержанна. Она не ответила.

– Для того чтобы смыть пятна крови? Миссис Мэйхью видела свисающий рукав, манжета которого была испачкана кровью.

– Я оцарапала запястье.

Хотя это была правда, но она прозвучала как ложь, и притом не очень умелая. Мисс Крэй задрала рукав свитера, и комиссар сказал то же самое, что и Карр вчера вечером:

– Такая маленькая царапина!

Его тон совершенно ясно подразумевал: «Неужели вы не можете придумать ничего лучше?». Она решила, что больше не станет отвечать ни на какие вопросы. Она выпрямилась и посмотрела ему в лицо.

– Я сказала вам правду, и больше мне добавить нечего. Да, я подпишу свои показания, но я не стану больше отвечать ни на какие вопросы.

Он сложил плащ, положил его на подоконник и попросил позвать мисс Белл.

Глава 19

Фрэнсис вошла в комнату, ее голубые глаза были широко раскрыты. Поглядев на комиссара, она осталась о нем невысокого мнения. Как и миссис Мэйхью, мисс Белл не любила рыжих. Сидящий у обеденного стола молодой человек с блокнотом понравился ей больше; по правде говоря, очень даже симпатичный. Она спросила себя, как спрашивала всегда по поводу любого нового молодого человека: интересно, умеет ли он танцевать. Очень многие приятные юноши танцевать не умели, а те, которые умели, не всегда оказывались приятными. С такими вот незатейливыми мыслями она села на повернутый к окну стул, что позволило обоим мужчинам ясно видеть ее невероятный цвет лица.

Констебль Уиткомб не остался равнодушным к этому зрелищу. Он пристально смотрел на нее – сначала в сомнении, а потом с искренним восхищением. Если комиссар Дрейк и ощущал нечто подобное, то тщательно это скрывал и каждый вопрос задавал с отстраненным видом фокусника, извлекающего из шляпы очередного кролика.

Поначалу кролики были очень мелкие, и Фэнси отнеслась к ним дружелюбно. Она подтвердила, что она мисс Фрэнсис Белл, подруга мистера Карра Робертсона. Она ненадолго приехала погостить в Белом коттедже. Нет-нет, она не помолвлена с мистером Робертсоном, ничего подобного, они

просто друзья. Мистера Лесситера она совсем не знала. Она даже не знала, как он выглядит, пока не увидела фотографию в газете.

– И когда же это было, мисс Белл?

– Вчера вечером.

Он наклонился к ней через стол.

– А теперь, мисс Белл, я хочу, чтобы вы мне рассказали, что именно произошло вчера вечером.

Голубые глаза медленно распахнулись.

– Что значит «произошло»?

– Ну, чем вы занимались, все трое – вы, мисс Крэй и мистер Робертсон.

– Мы с Карром весь день пробыли в городе. Мы вернулись почти в семь, поужинали, а потом пришел мистер Эйнджер с газетами. Вас это интересует?

– Да. В котором часу это было?

– Ну, примерно в четверть девятого.

– Продолжайте.

– Мистер Эйнджер ушел – ему нужно было навестить одну больную старуху. А потом мисс Крэй подошла к телефону, он стоит здесь. Мы с Карром просматривали газеты, которые принес мистер Эйнджер.

– И тогда вы увидели фотографию мистера Лесситера?

– Да. Только увидел ее Карр, а не я. Могу показать ее вам, если хотите.

– Пока этого достаточно. Итак, мистер Робертсон увидел

фотографию. Что он сказал, когда ее увидел?

Голубые глаза избегали его взгляда. Только в эту минуту до Фэнси дошло, что сказанные Карром слова могут как-то быть связаны со смертью Джеймса Лесситера парой часов позже. Если бы сам Карр или Рьетта Крэй обратили ее внимание на эту связь, попросив ее забыть все, что произошло между спокойным уходом Генри Эйнджера и бурным – Карра, она, без сомнения, изо всех сил постаралась бы удовлетворить их просьбу и наверняка провалила бы грамотно выстроенный перекрестный допрос. Но ни Карр, ни Рьетта не смогли заставить себя даже предложить ей нечто подобное. Для них обоих это выглядело бы как признание вины, и они с гневом и гордостью отвергли саму возможность такого признания. Так что Фэнси пришлось самой решать, как ответить. Ее охватило смущение и страх. В памяти зазвучал хриплый голос Карра: «Так это ты... Ты, мерзавец!» Она не могла рассказать об этом комиссару. Но что же она ему скажет? Что делать, если правду сказать не можешь, а врать не научилась? Она не имела ни малейшего представления. Прекрасная кожа на ее щеках залилась нежным румянцем, голубые глаза медленно наполнились слезами. Констебль Уиткомб обнаружил, что не может отвести от нее глаз. Комиссар оставался равнодушным. Он решил, что девушка глупа, и что он сейчас кое-что из нее вытянет. Он повторил свой вопрос довольно резким тоном:

– Что он сказал?

Последовала пауза. Румянец на щеках Фэнси побледнел.

– Мисс Крэй вернулась, а Карр вышел прогуляться.

Дрейк постучал по столу.

– Вы не ответили на мой вопрос, мисс Белл. Мистер Робертсон увидел фотографию мистера Лесситера. Что он сказал, когда ее увидел? Как вам показалось – он узнал его на фото?

– Ну, вроде того...

– Вам придется говорить яснее. Я хочу знать, что он сказал.

Фэнси сделала все, что могла.

– Он... казался удивленным.

Дрейк тут же отреагировал:

– Вы хотите сказать, что он узнал человека на фото, но был удивлен, что это оказался мистер Лесситер?

– Да... Вроде того.

– Он был удивлен. Был ли он зол?

Что она могла на это ответить? «Зол» – не то слово. Она не знала, что сказать. Она молчала, и ее молчание означало согласие.

– Он был зол, когда узнал, что это мистер Лесситер? Очень зол?

Она сидела, опустив глаза и глядя на стол. Ресницы у нее были мокрые. Дрейк снова постучал по столу.

– Он узнал мистера Лесситера и разозлился. Почему? Думаю, вы знаете. Если вы не расскажете мне об этом, расска-

жет кто-нибудь другой.

Фэнси рывком подняла голову и смахнула две злые слезинки. Глаза ее сверкали.

– Тогда идите и спрашивайте у других! – сказала она с внезапно проявившимся сильным акцентом кокни.

– Мисс Белл!

Она вскочила, оттолкнув стул.

– Нечего задавать мне кучу вопросов, на которые я не могу ответить! Если есть другие люди, которые могут вам ответить, идите и спрашивайте у них! Если вам нужно знать, что сказал Карр, спросите у него – он расскажет об этом гораздо лучше, чем я!

Комиссар не пошевелился.

– Я не могу заставить вас отвечать на мои вопросы, мисс Белл, но когда начнется следствие, вы обязаны будете явиться и дать показания под присягой. А пока ваш долг – помогать полиции любым возможным способом.

Фэнси не уходила. Теперь, когда он ее разозлил, она перестала бояться. Он не мог заставить ее говорить, он сам так сказал. Она не станет отвечать, если не захочет. Она не станет говорить ничего о том, что Карр был зол.

Комиссар снова заговорил:

– Мистер Робертсон вышел, а следом вышла мисс Крэй?

– Да.

– Как долго их не было?

– Они ушли не вместе. Он ушел через парадную дверь, а

она – через заднюю.

– Хорошо, давайте по одному. Когда вернулась мисс Крэй?

К чему все эти глупые вопросы? К чему он ведет?

– В четверть десятого; новости только что закончились.

– А мистер Робертсон?

– Не знаю – я ушла спать.

– Вы не слышали, как он вернулся?

– Нет. Я больше ничего не могу вам рассказать.

– Погодите, мисс Белл. Мистер Робертсон вышел после того, как узнал человека на фотографии, так?

– Я вам уже говорила это.

– В котором часу это было?

– В половине девятого. Я посмотрела на часы из-за программы по радио.

– Мистер Робертсон узнал человека на фотографии и почти сразу вышел из дома. Он был зол, не так ли? Он хлопнул дверью?

Да он хочет обманом выудить у нее ответ! Фэнси вспыхнула:

– Спросите у него! – сказала она и выбежала из комнаты.

Дверь столовой громко захлопнулась за ней. Констебль Уиткомб забылся настолько, что присвистнул.

Глава 20

Карр пришел в Лентон тем же шагом, которым шел накануне. Он застал в лавке Джонатана Мура, который неторопливо беседовал со старой леди Фитчетт. В любое другое время его позабавил бы контраст между ее грузной квадратной фигурой и грубыми манерами и высоким, изысканным Джонатаном с его безупречной вежливостью. Однако сейчас он обошел с противоположной стороны книжный шкаф чиппендейл и направился в глубину лавки.

Книжного шкафа оказалось недостаточно, чтобы не привлечь внимания леди Фитчетт. Она отвлеклась от испано-мавританских тарелок, которые они обсуждали, и требовательно спросила:

– Кто это был?

Джонатан Мур принял отсутствующий вид.

– Понятия не имею.

– Этот человек только что прошел в ваш дом так, словно он тут хозяин.

– Может, кто-то из рабочих...

– Кто-то из рабочих? Как бы не так! Похоже, это был Карр Робертсон.

– Может, и он.

Леди Фитчетт фыркнула. Ничто не злило ее больше, чем попытка что-либо скрыть.

– Джонатан, вы увиливаете! Карр вернулся?

– Полагаю, да.

– Самое время, как по мне! Он помирился с Элизабет?

Ответом ей была совершенно обворожительная улыбка.

– Вам лучше спросить у него.

Она снова фыркнула.

– Вы слишком много хотите за эти тарелки!

– Подумайте о моем подоходном налоге.

– А вы подумайте о моем!

Карр прошел в дверь, ведущую из лавки в дом, и свистнул.

От этого свиста сердце Элизабет подпрыгнуло. Именно так он всегда и делал – проходил в эту дверь и сразу свистел, так что если она была наверху, то слышала его и спускалась, а если внизу, в гостиной, то ей достаточно было сказать: «Входи». Так она сейчас и сказала, и вот он здесь, и она в его объятиях. Но то, как он ее обнимал, заставило ее удивиться. А через минуту она испугалась. Он не поцеловал ее, а просто держал ее в своих объятиях так, словно был не в силах ее отпустить.

– Карр... В чем дело?

Ей пришлось повторить вопрос. И даже тогда он не сразу ей ответил. Он отпустил ее и отстранил от себя, его руки тяжело легли ей на плечи.

– Придется тебе снова меня бросить.

– Карр!

– Кто-то убил Джеймса Лесситера вчера вечером, и люди

наверняка подумают, что это сделал я.

Она неотрывно смотрела на него.

– А это был ты?

Он хрипло рассмеялся.

– Вот видишь! Ты и сама бы в это легко поверила!

Карие и ясные, словно вода, глаза Элизабет заблестели.

– Только если бы ты мне сам это сказал.

– Нет, я не убивал его. Я, наверное, мог это сделать до того, как увиделся с тобой, но не после. И в любом случае я не стал бы подкрадываться сзади и вышибать ему мозги кочергой.

– Карр!

– А кто-то так и сделал. Я нашел его мертвым...

– Ты пошел туда?!

– Да, пошел. Не надо говорить мне, что я дурак, я и сам теперь это знаю. Я же не знал, что его убьют. Я хотел с ним встретиться и откровенно поговорить, а потом захлопнуть дверь в прошлое. Конец, и новая книга, глава первая – свадебные колокола и «жили они счастливо до конца своих дней». Мне это показалось неплохой идеей. Понимаешь, раз он собирался наезжать в Меллинг-Хаус, а я то и дело приезжал бы в коттедж, мы бы все равно обязательно встретились. Я решил, что лучше выяснить отношения как приличные люди – наедине. Тогда мы могли бы спокойно друг друга игнорировать, и со временем в Меллинге нас перестали бы приглашать куда-либо вместе. Мне в самом деле казалось,

что это хорошая идея.

Элизабет стояла, не шевелясь и пристально глядя ему в лицо; красивая длинная шея, чуть откинутаая назад голова, волосы, словно обдуваемые ветром.

– Что произошло? Расскажи мне.

Он рассказал, как увидел свет в окне Кэтрин и пошел к дому, повернул за угол, поднялся по двум ступенькам и вошел через приоткрытую дверь и задернутые шторы. Он ничего от нее не утаил: рассказал и про мертвое тело, распластанное на письменном столе, и про кочергу в пятнах крови, и про плащ с промокшим от крови рукавом и запачканной полый. Когда он закончил, она сказала:

– Напрасно ты вытер кочергу.

– Я должен был это сделать – на всякий случай.

Она покачала головой.

– Напрасно. Ты сказал, что не стал бы подкрадываться и бить человека по голове кочергой. Неужели ты думаешь, так поступила бы Риегта?

Его лицо залилось краской.

– Я задумался об этом гораздо позже. Там был этот чертов плащ, и я, не успев опомниться, уже вытирал кочергу. Не думаю, что это имеет хоть какое-то значение. Убийца здорово все продумал. Он либо надел плащ перед убийством, либо нарочно запачкал его кровью после. Ты же не думаешь, что он забыл бы о кочерге?

– Нет...

Она на минуту задумалась.

– Карр, если ты унес плащ и не оставил своих отпечатков пальцев, я не представляю, почему кто-то может подумать, что это сделал ты.

Он мрачно ответил:

– Есть еще наша малышка Фэнси, вот и все. Мы вместе просматривали газеты, оставленные Генри Эйнджером, когда я наткнулся на фотографию Джеймса Лесситера. Я не помню, что сказал, но она вспомнит. Что-то вроде «Попался, мерзавец!». После чего я, хлопнув дверью, вылетел из дома.

– Разве она не умолчит об этом? Разве ты не мог ее попросить...

Он яростно нахмурился.

– Нет! – И тут же смягчился. – Все равно не было бы никакой пользы. Она совершенно безыскусное дитя, полиция мигом бы у нее все выудила. Пусть уж лучше скажет все как есть, а мы будем действовать как люди, которым нечего скрывать.

Зазвонил телефон. Элизабет подошла к столу и взяла трубку. Он услышал, как она говорит: «Да, он здесь». Она посмотрела на него через плечо.

– Карр, это Рьетта. Она хочет с тобой поговорить.

Глубокий голос Рьетты донесся до него по проводам. Она заговорила по-немецки:

– Дела не очень хороши, Карр. Полиция забрала плащ. Мы недостаточно хорошо его отстирали. Миссис Мэйхью знает,

что я была там. Она подслушивала. Она слышала, как он говорил о завещании и как сказал: «Если бы юный Карр убил меня сегодня, ты бы унаследовала весьма солидное состояние». Не очень-то здорово, правда? Я решила, что лучше тебя об этом предупредить.

Раздался щелчок – она повесила трубку. Он сделал то же самое, повернулся к Элизабет и повторил все, что услышал, закончив словами Риегги:

– Не очень-то здорово, правда?

– Полиция выяснит, кто это сделал. Но тебе нужно проконсультироваться с юристом, – рассудительно заявила она.

– Да. Я встречу со старым Холдернессом.

– Он ведь не адвокат по... уголовным делам.

Карр скривился.

– Господи, не напоминай!

– Прости.

– Не извиняйся. Нам придется пройти через это. Возвращаясь к Холдернессу: он всех нас знает, и если дело окажется совсем не в его компетенции, он может направить нас к кому-нибудь еще. Он точно посоветует, к кому нам лучше обратиться. Я пойду к нему.

– Возвращайся потом и все расскажи.

Он кивнул, сделал несколько шагов к двери, но вернулся.

– Элизабет, забудь про вчерашний вечер. Мы не помолвлены.

Глаза ее сияли ярко как никогда. Она была достаточно вы-

сокой, чтобы обнять его за шею, не вставая на цыпочки. Сцепив руки у него на затылке, он притянула к себе его голову, пока их щеки не соприкоснулись.

– Разве нет?

– Нет.

– Хорошо, милый, я не возражаю – вместо помолвки будет свадьба.

– Элизабет!

– Не глупи! Беги к мистеру Холдернессу!

Глава 21

Мистер Холдернесс откинулся в кресле. Его цветущий вид никуда не делся, но черные брови, которые так красиво контрастировали с густыми седыми волосами, были нахмурены, а глаза глядели встревоженно. По мере того как Карр рассказывал, тревоги в этих глазах становилось все больше. Теперь мистер Холдернесс вдохнул и резко, протестующе выдохнул.

– Мой бедный Карр!

Губы Карра дернулись.

– Отвратительно, правда?

Мистер Холдернесс побарабанил по колену большими белыми пальцами.

– Ты же понимаешь, что, если все это всплывет, тебе грозит арест.

– Я только об этом и думаю.

– Конечно, нет причин для того, чтобы все это выплыло.

– Как это?

– Кто знает, что ты приходил в Меллинг-Хаус вчера вечером? Скольким людям ты об этом сказал?

Карр дернул плечом.

– Риетте, Элизабет и вам.

– Тогда не говори больше никому. Они должны держать язык за зубами, и ты тоже.

– Насчет этого я не уверен, – медленно сказал Карр.

– Напрасно.

– Не уверен. Понимаете, полиция знает, что Риетта была там. Они станут говорить, что у нее был мотив. Она пошла предупредить его о том, что я узнал про него и Марджори. Он рассказал ей какую-то маловероятную историю, чтобы ее успокоить. Потом он достал завещание, которое составил в ее пользу, когда они еще были помолвлены – и миссис Мэйхью подслушивала под дверью! Она услышала, как он сказал: «Если бы юный Карр убил меня сегодня, ты бы унаследовала весьма солидное состояние». Это же совершенно четко указывает на Риетту или на меня. Если я отойду в сторону, останется только Риетта. Кроме того, даже если отбросить все остальное, Фэнси точно им расскажет, что я узнал его на фото, пришел в ярость и выбежал из дома, хлопнув дверью.

Мистер Холдернесс упрямо стиснул зубы.

– У тебя еще будет время на то, чтобы совершить самоубийство, если Риетта окажется в реальной опасности. Я настаиваю на том, чтобы ты держал язык за зубами.

Карр вопросительно вздернул бровь.

– Самоубийство?

Мистер Холдернесс сердито воззрился на него.

– А как еще это назвать, если ты предлагаешь рассказать полиции, во-первых, что ты вчера вечером опознал Джеймса Лесситера на фотографии как человека, который соблазнил

и бросил твою жену, а во-вторых, что ты был на месте преступления примерно в то время, когда оно было совершено? Можешь поступать как знаешь, но я отказываюсь иметь дело с такой глупостью. Риетта, на мой взгляд, находится вовсе не в таком серьезном положении, как ты. Ни один человек из тех, кто ее знает, не поверил бы, что она способна совершить такое отвратительное преступление ради денег.

Карр рассеянно кивнул и вдруг сказал:

– Интересно, кто же это сделал...

Мистер Холдернесс поднял свою крупную ухоженную руку и снова опустил ее на колено.

– Джеймс Лесситер сколотил большое состояние. Зачастую за счет других людей. Мне кажется маловероятным, что это преступление совершил кто-то из местных, хотя вполне вероятно, что его очень старались представить именно таким. Интересно, пропало ли что-либо из вещей. Я провел тщательную опись после смерти миссис Лесситер. Думаю, первое, что я сделаю – свяжусь с полицией и предложу им проверить сохранность имущества. В доме были ценные вещи. Если какие-то из них отсутствуют – что ж, тогда полиции будет за чем проследить. А тем временем я настаиваю, чтобы ты помалкивал. Если тебя попросят дать показания, ты скажешь, что по совету своего адвоката ты предпочитаешь ничего не говорить до начала следствия. Это даст мне время выяснить, как обстоят дела.

Карр коротко кивнул, мысли его были далеко. Казалось,

он над чем-то размышляет. Эти колебания в итоге вылились в слова:

– Вы что-нибудь знаете о Сириле Мэйхью?

Лежавшая на колене рука мистера Холдернесса слегка подпрыгнула.

– Почему ты спрашиваешь?

– Из праздного любопытства. Я на днях спросил о нем у Риегты, а она перевела разговор на другую тему. Чем он занимается?

– Кажется, у него проблемы.

– С полицией?

– Боюсь, что так. Ему дали условный срок.

– Что он натворил?

– Обокрал работодателя, кажется. Его родителей это сильно подкосило. Тяжело, когда единственный сын пошел по плохой дорожке. Они ведь такие приличные люди.

– Единственного ребенка часто слишком балуют. Сирил был ужасным наглецом.

– Родители часто бывают весьма неразумны. Что заставило тебя спросить о нем?

Карр поглядел в потолок.

– Да так, ничего. Просто я видел его на станции в Лентоне вчера вечером.

Мистер Холдернесс сдвинул брови.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– Ты с ним разговаривал?

– Нет. Я увидел его случайно: он вышел из последнего вагона и проскочил мимо билетной кассы. Не похоже было, что он хочет с кем-то разговаривать. Интересно, приезжал ли он домой вчера вечером.

Мистер Холдернесс сказал:

– Думаю, мы спросим об этом у полиции.

Глава 22

Закончив разговор, Риетта Крэй осталась сидеть за письменным столом, на котором стоял телефон. Она любила большие столы и была рада тому, что для него как раз хватило места в проеме передней стены в столовой. Она сидела спиной к обеденному столу – это был старомодный викторианский стол, предназначенный для целой семьи и слишком большой для своего нынешнего местоположения. Ни он, ни обитые поблекшей парчой тяжелые стулья с прямой спинкой, имитировавшей стиль Шератон¹⁰, были совершенно не к месту в коттедже, но Риетта выросла среди этой мебели, ей бы и в голову не пришло ее сменить. Эта мебель стояла здесь с тех времен, когда у ее отца была оживленная практика в Лентоне и они жили в большом доме на центральной улице. Это время казалось теперь таким далеким. Доктор Крэй умер, и они переехали в Белый коттедж. Почти тридцать лет назад. Очень давно.

Несколько минут она смотрела на аппарат, потом протянула руку и сняла трубку. Голос, ответивший ей с коммутатора, принадлежал не Глэдис Люкер, которая соединяла ее для разговора с Карром. На этот раз ответила мисс Проссер, сказавшая «Алло!», и Риетте сразу стало легче. Все в Мел-

¹⁰ Неоклассический стиль мебели в Англии второй половины XVIII века, который характеризуется легкостью конструкции и прямыми линиями.

линге знали, что Глэдис подслушивает на линии, если считает, что есть что послушать, но мисс Проссер было не до того. Она была слегка туговата на ухо, и как она сама выражалась: «Мне трудно услышать даже то, что нужно, куда уж мне подслушивать».

Риетта назвала ей нужный номер и была вынуждена его повторить: 21, Ленфолд. Интересно, вспомнит ли мисс Проссер, что это личный номер Рэндала Марча. После того как его назначили начальником полиции округа, он купил милый маленький домик в нескольких милях от Лентона, поселил там пожилую супружескую пару, которая вела его хозяйство, и стал заниматься садоводством на участке, который мог похвастаться крошечным ручейком, прудом с кувшинками и клочком леса.

Пока она ждала соединения, она говорила себе, что сглупила, позвонив ему, но, может быть, последствия этой глупости ее минуют, так как, скорее всего, Рэндала нет дома. Он мог и быть там, если пришел домой на обед, но вряд ли. Может, он вообще уже едет сюда, если комиссар Дрейк успел составить и передать ему отчет.

На другом конце провода подняли трубку. Рэндал Марч сказал: «Алло!» Риетта покраснела до корней волос. Господи, зачем она ему позвонила? Совершенно абсурдный и безумный поступок. Она услышала свой спокойный глубокий голос:

– Это ты, Рэндал?

– Рьетта! – отозвался он тепло и радостно.

Кровь отлила от ее лица. Она подумала: «Он еще ни о чем не слышал. Все хорошо».

– Я хотела кое о чем у тебя спросить. Это насчет твоей мисс Сильвер. Ты знаешь, она гостит здесь у своей старой школьной подруги миссис Войси...

– Да, я слышал. Ты с ней уже встретилась? Она уникальна, правда?

– Да. Рэндал, а насколько она хороша... в своей работе? Он рассмеялся.

– О, определенно высший класс! Нет, это неточное сравнение. Она – учитель за кафедрой, а мы все сидим перед ней, как первоклашки.

Голос ее стал ниже, она заговорила медленнее.

– Ты правда так считаешь? Seriously?

– Совершенно серьезно. Рьетта, а почему ты об этом спрашиваешь? Что-нибудь случилось?

– Много чего. – На всякий случай она перешла на французский. – Джеймса Лесситера убили вчера вечером.

– Да, мне сообщили. Я еще не читал отчет.

– Я – главный подозреваемый, Рэндал, – сказала Рьетта и повесила трубку.

Глава 23

Рэндал Марч поднял взгляд от машинописных листов, которые только что прочел. Он никак их не комментировал, пока не дочитал до конца.

Когда он опустил последнюю страницу на стол, комиссар Дрейк сказал:

– Вот такие дела, сэр. Без сомнения, дело против мисс Крэй складывается весьма серьезное.

Марч улыбнулся.

– Друг мой, это абсурдно. Я знаю мисс Крэй с детства. Она совершенно не способна ударить человека кочергой по голове.

Дрейк застыл. Вот оно, значит, как повернулось. В нем поднялась горечь классового сознания. Он знает ее с детства – и значит, она не могла совершить убийство! Все эти люди заодно! Он выглядел так, словно его ущипнули за тонкий нос.

– Все так говорят, пока убийство не доказано. Убийца выглядит как любой другой человек, пока не попадет на виселицу.

Рэндал Марч обладал приятным ровным нравом в сочетании с хорошим телосложением, крепким здоровьем и чистой совестью, но сейчас он внезапно ощутил острый приступ чистого гнева. Это чувство его сильно удивило, пото-

му что показалось ему неловким и компрометирующим. К счастью, он никак не проявил его внешне и просто повторил свое последнее утверждение:

– Мисс Крэй совершенно не способна кого-нибудь убить.

Уязвленное выражение теперь было на всем лице Дрейка. Он стал похож на голодного лиса.

– Нам нужно судить по доказательствам, сэр. Если вы еще раз посмотрите на показания, вы увидите, что у мисс Крэй есть довольно серьезный мотив. Она была помолвлена с этим мистером Лесситером около двадцати лет назад. Она говорит, что сама разорвала помолвку, но отказывается объяснить причину; местные жители считают, что он плохо с ней обращался. Я не знаю, существуют ли фактические доказательства того, что она затаила на него обиду, но возможно, это так и есть. Вдобавок ко всему он приезжает сюда двадцать лет спустя с кучей денег. Теперь перейдем к событиям прошлого вечера. Мистер Карр Робертсон отказывается давать показания. Это, на мой взгляд, весьма подозрительное обстоятельство. Я не стал бы об этом сильно задумываться, будь он старше. Для человека средних лет в порядке вещей быть осторожным, но для молодого мужчины двадцати восьми лет это неестественно. И весьма подозрительно. Он что-то знает и боится, что это плохо обернется либо для него самого, либо для мисс Крэй, поэтому держит язык за зубами. Но взгляните на показания мисс Белл. Она совершенно четко дает понять, что мистер Робертсон выскочил из дома,

хлопнув дверь, как только увидел фото мистера Лесситера в газете, под которым стояло его имя. Я считаю, что они никогда не встречались и не видели друг друга, но в ту минуту, когда мистер Робертсон видит фотографию с подписью, он ее узнает и выбегает из дома. Тут ходят разговоры, что жена мистера Робертсона сбежала во Францию, пока сам он служил в Германии. Никто не знал, с кем она сбежала. Потом мистер Робертсон демобилизовался и вернулся домой. Вскоре появилась и его жена – больная. Мужчина, с которым она сбежала, оставил ее без гроша. Мистер Робертсон принял ее назад и ухаживал за ней, пока она не умерла – это было около двух лет назад. Говорят, что он решил выяснить, кто в ответе за ее смерть. Миссис Феллоу, которая работает у мисс Крэй, рассказала кое-что про фотографию. Говорит, она слышала, как мистер Робертсон сказал своей тете, что узнает этого человека в лицо, если встретит, потому что у Марджори – его жены – была его фотография. Это, конечно, всего лишь местные сплетни, но они подтверждают происходящее. А теперь вернемся к показаниям мисс Белл: как только мистер Робертсон выбежал через парадную дверь, мисс Крэй последовала за ним через заднюю. Она схватила первый попавшийся плащ, который оказался плащом племянника, и побежала в Меллинг-Хаус, где миссис Мэйхью услышала, как мистер Лесситер говорит ей о завещании, которое составил, когда они были помолвлены, – «Все мое имущество оставляю Генриетте Крэй», и так далее. А также она

слышит его слова: «Если бы юный Карр убил меня сегодня, ты бы унаследовала весьма солидное состояние».

Дрейк сделал паузу, довольный тем, что, по его мнению, представляло собой дельное и убедительное изложение событий. Рэндал Марч спросил:

– И?

– И что же, сэр, у вас разве остаются еще какие-либо сомнения в том, что мисс Крэй поспешила в Меллинг-Хаус для того, чтобы предупредить мистера Лесситера о том, что он должен опасаться какого-нибудь акта насилия со стороны мистера Карра Робертсона?

Рэндал Марч улыбнулся чуть более приятной улыбкой.

– Если она обеспокоилась тем, чтобы пойти и предупредить его, значит, она его не убивала. Вы пытаетесь усидеть на двух стульях, Дрейк. Боюсь, это невозможно.

Глаза Дрейка за рыжими ресницами сузились.

– Минуточку, сэр, мне кажется, вы не уловили сути. Когда она пришла его предупредить, она ничего не знала о завещании. Говорят, что состояние мистера Лесситера оценивается примерно в полмиллиона. Можно прийти, чтобы предупредить человека, и передумать, если это поможет заполучить полмиллиона.

Рэндал Марч очень хорошо держал себя в руках. Он сохранял именно ту степень внимания, которую полагалось выказывать подчиненному, с чьими умозаключениями невозможно согласиться. У него был вид человека, который тща-

тельно взвешивает предположение, что гипотетические пол-миллиона могли побудить Риетту Крэй вышибить человеку мозги кочергой. Отдав должное внимание этой теории, он покачал головой.

– Боюсь, это не соответствует ее характеру.

Комиссар Дрейк не отступал.

– Имеются доказательства, которые, с позволения сказать, с ходу не прояснишь. Отказавшись объяснить, почему она так торопилась, мисс Крэй в своих показаниях говорит, что взяла первый попавшийся плащ; они висят в коридоре, а она вышла через заднюю дверь. Плащ, который она взяла – это старый плащ мистера Робертсона. Подкладка на нем клетчатая с желтой полоской. Это упомянуто в показаниях миссис Мэйхью. Когда она вернулась в кабинет во второй раз и открыла дверь, этот плащ лежал на стуле. Часть подкладки была видна, и она ее описала. Один рукав свисал, и, по ее словам, манжета была вся в крови. Мисс Крэй объясняет это тем, что оцарапала запястье, пока шла через лес. Но обратите внимание, сэр: вся правая пола этого плаща была влажной, словно ее вытирали мокрой губкой. Он висел в коридоре вместе с остальной одеждой, и пола у него все еще была мокрой. Я сразу отправил его на анализ, и вот что я получил. Я звонил им перед выходом, и мне сказали, что на всей непросохшей части плаща есть следы человеческой крови. Правая манжета, похоже, сильно ею пропиталась: довольно много следов крови осталось в шве и там, где загнута под-

кладка. Нет сомнений, что пятен крови было много – гораздо больше, чем можно объяснить небольшой царапиной. Мисс Крэй показала мне свое запястье – объяснение с царапиной никуда не годится.

Марч перебирал лежащие перед ним листы. Дрейк продолжал:

– Единственное, чем можно объяснить состояние плаща, – это предположить, что его надевал убийца.

Марч поднял глаза от листа, который держал перед собой.

– Миссис Мэйхью в своих показаниях говорит, в частности, что во второй раз она не слышала в комнате никаких звуков. Это может указывать на то, что мисс Крэй уже ушла. Нет доказательств того, что плащ был на ней, когда его так сильно испачкали. Если, как она говорит, она оцарапала запястье, то, возможно, пятна от этой царапины оказались достаточно, чтобы привлечь внимание миссис Мэйхью. И внимание убийцы. Чужой плащ с чужой кровью на нем – это удача, на которую не следует слишком полагаться, но которую не стоит и упускать.

– Вы выдвигаете предположение, что мисс Крэй ушла домой без плаща – хотя ночь была очень холодная – и что кто-то надел его, чтобы убить мистера Лесситера. Если это так, то чем объяснить тот факт, что пальто было выстирано и висело у нее в коридоре? Конечно, этому может быть только одно объяснение, я и сам об этом подумал. Если мистер Карр Робертсон пришел в Меллинг-Хаус после ухода мисс Крэй, он

мог надеть плащ – вы же помните, что это его собственный старый плащ – и после убийства ему оставалось лишь вернуться в коттедж и постараться отмыть с него пятна крови. Нет сомнений, что именно это он и сделал. В конце коридора у них небольшая умывальная. Мы нашли пятно на нижней части раковины и пару пятен крови на полу – линолеум там темный, и их не было видно. Видимо, с плаща натекло. Думаю, они решили, что все убрали, но в таких случаях люди что-нибудь да упустят.

Рэндал Марч сидел, охваченный ужасом. От таких улик не отмахнешься. Это, конечно, не улики против Рьетты – разум отказывался признавать этот вариант, но есть вероятность, что заведут серьезное дело против Карра Робертсона. Если вчера вечером он действительно опознал Джеймса Лесситера как соблазнителя своей жены, то дело может оказаться чертовски серьезным. А Карр не дает никаких показаний...

Глава 24

– Можно войти, дорогая?

Миссис Войси, занимавшаяся счетами, повернула голову. Она увидела мисс Сильвер, одетую для прогулки, в шляпке, которая считалась у нее второй лучшей, но так сильно напоминала первую, что почти от нее не отличалась; разве что отделана она была простой репсовой лентой, а не многочисленными витками атласа. Но зато слева на обеих шляпках был маленький букетик цветов; повседневный – поменьше, постарше и более сплюснутый – состоял из увядшей желтофиоли в окружении бледной резеды и повторял оттенки почтенного возраста меховой горжетки, которую ее хозяйка высоко ценила за защиту от сквозняков. Черное суконное пальто не менялось ни в будни, ни в выходные, как и аккуратные ботики на шнурках и черные шерстяные чулки, которые мисс Сильвер привыкла носить с октября по апрель, а иногда и дольше, если весна выдавалась холодная.

Мисс Сильвер вошла, тихо прикрыла за собой дверь и кашлянула. С ее запястья свисала объемистая сумка, на руках были черные вязаные перчатки.

– Какая ужасная сырость сегодня. Надеюсь, я тебя не беспокоила, Сесилия, но я только что получила приглашение на ланч. Я подумала, что ты не станешь возражать, если я его приму.

Миссис Войси переспросила дружелюбно, однако с некоторым удивлением:

– Приглашение на ланч?

– Да, Сесилия. От мисс Крэй.

Миссис Войси сказала:

– Вот как...

С тех пор как молочник принес первые сведения о смерти Джеймса Лесситера, обмен новостями в деревне шел весьма активно. Миссис Крук сбегала в лавку за пакетом готовой смеси для кекса (которую в обычное время презирала) и там повстречала племянницу миссис Феллоу, которая, если можно так выразиться, почти видела миссис Мэйхью. Племянницу посетило вдохновение, и она решила сходить в Меллинг-Хаус с предложением помочь по-соседски – может, она и не видела саму миссис Мэйхью, но зато встретилась и поговорила с миссис Феллоу, которая только что от нее вышла.

– Она едва может голову поднять, бедняжка, – сказала миссис Крук, пересказывая эту беседу миссис Войси и ее госте. – К ней приходил врач, он говорит, что это от потрясения. Миссис Феллоу должна оставаться там и не давать ей ничем заниматься. А со слов миссис Феллоу там есть от чего получить потрясение – всюду кровь, и плащ мисс Рьетты Крэй испачкан этой кровью по локоть.

– Какая чушь, Бесси! – сказала миссис Войси.

Миссис Крук стояла на своем.

– Это миссис Феллоу рассказала своей племяннице, а она

ведь пришла напрямиком от миссис Мэйхью, которая все видела. И ведь говорят, что этот бедный джентльмен все оставил мисс Крэй, и завещание лежало прямо под его рукой, и на нем была его кровь. Мистер Мэйхью, когда обнаружил тело, видел бумагу и говорит, что ее, несомненно, пытались сжечь, потому что она обгорела с одной стороны.

– Рьетта Крэй и мухи не обидит, – сказала миссис Войси. Миссис Крук была непоколебима.

– Мухи не составляют завещаний, – изрекла она мрачно. – Но говорят, что за этим, возможно, кроется и еще кое-что. Похоже, что мистер Карр выскочил из дома около половины девятого. Джим Уоррен, тот, что встречается с Дорис Гровер, случайно проходил мимо и сказал Дорис, что если кого и видел в ярости, так это мистера Карра. Он был прямо вне себя, весь на нервах, и промчался мимо Джима, а тот услышал, как он с бранью повторяет имя мистера Лесситера. Джим говорит, зрелище было ужасное – он был словно пес, у которого в зубах что-то застряло и теперь болит. Дорис говорит, что он неважно выглядел, когда пришел, и она спросила у него: «Что случилось, Джим?», а он рассказал ей вот это. Он, Джим, с детства был чувствительным. Дорис говорит, что ей пришлось дать ему глоток отцовского виски, и мистер Гровер ни капли не рассердился.

В эту минуту в разговор вмешалась мисс Сильвер:

– А в какую сторону шел мистер Карр Робертсон?

Миссис Крук застыла в задумчивости. Мисс Сильвер сно-

ва спросила:

– Мистер Карр шел по направлению к Меллинг-Хаусу?

Миссис Крук раздумывала и не торопилась. Наконец она сказала:

– Нет, туда он не мог идти, раз Джим его встретил. Джим шел с противоположной стороны. Сначала маленькие коттеджи слева, там и живут Уорнеры, и мистер Карр, должно быть, шел той дорогой, потому что Джим говорит, их пес убежал и обляял его, когда он проходил мимо. Но ведь говорят, что, возможно, именно мистер Лесситер сбежал с женой мистера Карра, все это выплыло наружу, и мистер Карр убил его за это.

И вот, на фоне всего вышесказанного, миссис Войси слышит, что мисс Сильвер идет на ланч к Рiette Крэй. Она сказала лишь «Вот как...» Это было так не похоже на нее, что мисс Сильвер инстинктивно ждала продолжения. По лицу миссис Войси разлилось выражение живейшего интереса, и она воскликнула:

– Мод! Она консультировалась с тобой? Я имею в виду, в профессиональном смысле. О, как бы мне этого хотелось!

– Она пригласила меня на ланч, – сказала мисс Сильвер.

Миссис Войси стиснула пальцы, на которых блестели три красивых, но чуть тесноватых кольца.

– Тогда ты обязательно должна пойти. В самом деле, само провидение привело тебя сюда, потому что ничто и никогда не заставит меня поверить, что Рiette Крэй могла совер-

шить нечто подобное. Это было бы слишком возмутительно и лишь доказывает, как ужасны сплетни. Этот несчастный едва испустил дух, как уже вся деревня говорит, что он сбежал с женой Карра и что его убила Рьетта, потому что он оставил ей свое состояние. Я хочу сказать, что это неразумно, ведь правда? Не думаю, что он когда-нибудь видел Марджори. Я и сама видела ее раз пять и точно могу сказать, что в жизни не встречала более неприятную молодую женщину: чертовски красивую и совершенно бессердечную! А ведь Карр был обручен с такой хорошей девушкой, пока не встретил ее! Марджори просто вцепилась в него, а он и поддался. А эта милая девушка, Элизабет Мур, уехала и поступила в службу воздушного движения. Кажется, она командовала зенитной батареей или что-то в этом роде. А Марджори сбежала, как я тебе рассказывала, но не понимаю, почему это должно быть как-то связано с Джеймсом Лесситером...

Мисс Сильвер кашлянула.

– Дорогая, наверное, мне пора идти...

Ушла она лишь через десять минут.

Когда она пришла в Белый коттедж, оказалось, что мисс Крэй не одна. С ней была миссис Уэлби, но она сразу поднялась, чтобы уйти. Мисс Сильвер внимательно посмотрела на нее и заметила, что ее неяркий макияж, хоть и умело нанесенный, скрывал под собой смертельную бледность, которую невозможно до конца замаскировать никакой косметикой. Никто, глядя на мисс Сильвер, не предположил бы, что

у нее может быть глаз эксперта в том, что касается косметики, да и вообще в дамских штучках. И все же она с первого взгляда распознала скрытую бледность, так же как и то, что тональный крем, румяна и пудра, которыми миссис Уэлби изо всех сил постаралась эту бледность скрыть, были наилучшего качества и весьма дороги. Все эти средства были нанесены очень искусно, а для женщины, которая забежала на минутку перед ланчем проведать давнюю подругу и деревенскую соседку, Кэтрин Уэлби очень уж принарядилась. Риетта Крэй была одета в короткую юбку из коричневого твида и старый свитер из натуральной шерсти; обе вещи были изрядно поношены. При этом Кэтрин Уэлби тщательно выбирала свой наряд. Ни одна вещь не выглядела неуместно, но общее впечатление было такое, что одежда какая-то чересчур новая. Она могла бы хоть сейчас принять участие в показе мод ателье, которое специализируется на загородной одежде. Серый твидовый пиджак и юбка – идеального покроя. Джемпер более светлого оттенка – с модной горловиной, а элегантные ботинки – с модным каблуком. Шляпки на ней не было, но не из-за неофициальной обстановки, а потому что так было модно. Золотые волны волос были идеально уложены.

Будь ее знакомство с миссис Уэлби чуть более долгим, мисс Сильвер признала бы, что та неким образом перешла ту неуловимую грань, которая отделяет достаточное от избыточного. Но даже при столь коротком знакомстве она осознала нечто подобное. Ей показалось, что в Кэтрин есть не под-

дающаяся определению жесткость, отсутствие чего-то такого, что могло бы придать живость и свежесть всему образу.

В те несколько минут, которые прошли между приветствием и прощанием, мисс Сильвер оценивала полученные впечатления. Она была слишком умна, чтобы не распознать ум в других людях. Она распознала его в Кэтрин Уэлби, и ей пришла в голову цитата из стихов поэта, который был старше ее любимого лорда Теннисона¹¹:

Всегда одета, как на бал,
Как бы для тысячи зеркал,
Затянута, надушена,
Невольно мысль родит она:
Где много пудры и румян,
Там есть порок, там есть изъян.

В какой-то степени Кэтрин Уэлби была умна, но с ее стороны было неумно заходить слишком далеко. Возможно, это впечатление преувеличенности складывалось лишь на фоне трагической смерти и назревающего скандала. Возможно...

Мисс Сильвер задумчиво проводила взглядом выходящую из комнаты Кэтрин Уэлби.

¹¹ Имеется в виду Бен Джонсон (1572–1637) – английский поэт, драматург, актер и теоретик драмы. Приведены строки из его комедии «Эписин, или Молчаливая женщина» в переводе М. Л. Лозинского.

Глава 25

Когда дверь за Кэтрин закрылась, последовала небольшая пауза. Риетте Крэй эта минута напомнила тот миг, когда собираешься с духом, чтобы прыгнуть в ледяную воду. Ей пришла в голову мысль, что прыгать ей необязательно. Ее тайна все еще при ней. Она лишь пригласила мисс Сильвер на ланч. Если и имелось в виду что-то другое, то этим все еще можно пренебречь. Она почувствовала, что мисс Сильвер внимательно смотрит на нее, и подняла глаза, чтобы встретить ее взгляд.

Произошло нечто необъяснимое. Она испытала то, что до нее испытывали многие клиенты мисс Сильвер. Когда она думала об этом впоследствии, перед глазами ее стоял образ, который так часто можно было увидеть во время войны: дом, чей фасад был разрушен, и взгляду прохожих представляли все до единой комнаты на всех этажах, оголенные и открытые.

Мисс Сильвер не отводила взгляда. Она спокойно и задумчиво рассматривала ее. Улыбка изменила мелкие и аккуратные черты; эта улыбка сообщала уверенность, но в первую очередь она очаровывала. А потом это удивительное впечатление исчезло, и маленькая, невзрачно одетая бывшая гувернантка спросила:

– Чем я могу вам помочь, мисс Крэй?

У Риетты не было готового ответа. Она обнаружила, что

ее приглашают сесть в ее собственном доме. В комнате распространилось ощущение авторитетной благожелательности. Она наклонилась вперед и по-детски просто сказала:

– Мы в большой беде.

Мисс Сильвер мягко кашлянула.

– Думаю, мне кое-что об этом известно.

– Всем известно. Наверное, всегда так бывает, только об этом не думаешь, пока это не случится с тобой лично. Любой человек может спросить тебя о чем угодно. Если ты не отвечаешь, начинают что-нибудь выдумывать. Нет больше никакой частной жизни.

– Это настолько важно, мисс Крэй?

– Вы хотите сказать, есть ли мне что скрывать? Полагаю, что есть. Думаю, у каждого человека есть что-то, что он не желает видеть попорченным...

На последних словах голос ее стал совсем низким. Мисс Сильвер обеспокоенно посмотрела на мисс Крэй и увидела на ее лице мучительные следы бессонной ночи и постоянного напряжения. Под прекрасными глазами залегли темные круги. Она спросила самым обыденным голосом:

– Что вы ели на завтрак?

– Не знаю.

Мисс Сильвер кашлянула.

– Сейчас почти час дня. Вы пригласили меня на ланч, и я думаю, что мы можем отложить наш разговор, пока чего-нибудь не поедем. Вы позволите мне вам помочь?

Риетта испытала удивление и облегчение. Ей пока не придется ни о чем говорить. Мысль о еде была ей неприятна, но она отодвигала момент, когда ей придется говорить о Джеймсе Лесситере.

– Все уже готово. Фэнси поможет мне накрыть на стол. Это девушка, которая у нас гостит, – Фрэнсис Белл. Вы познакомьтесь и с ней, и с Карром. Думаю, это к лучшему.

За время своей профессиональной деятельности мисс Сильвер не раз присутствовала при трапезах, подобных сегодняшней. Общая атмосфера подавленности и мрачных предчувствий; отдельные всплески застольной беседы, ограниченные и затрудненные страхом сказать что-либо, о чем лучше было промолчать; то и дело возникающие периоды тишины, в которые никто не может придумать, что сказать, – все это было отлично ей знакомо. Сама она всегда могла поддержать ровный ручеек беседы, но не всегда избирала этот путь. Иногда она считала более познавательным наблюдать за тем, как люди ведут себя под гнетом молчания. Сегодня она взяла на себя заботу о том, чтобы мисс Крэй хорошенько поела, и вполне преуспела в этом деле. Риетте было легче съесть что-нибудь, чем без конца отказываться, и после первых нескольких кусочков она сама поняла, как нуждается в пище.

Наблюдая за мистером Карром Робертсоном, мисс Сильвер не могла не заметить его неодобрения. Она размышляла о том, насколько плохо мужчины умеют скрывать свои чув-

ства. С давних времен они демонстрируют всем свое расположение духа в манере, которая часто слишком наивна, чтобы быть привлекательной. У нее не было никаких сомнений в том, что мистер Карр считает ее старой девой, сующей свой нос в чужие дела. Он напоминал ей многих маленьких мальчиков, которые считали себя оскорбленными оттого, что им приходилось учиться вместе с сестрами. Она смотрела на него снисходительно.

Для одетой в алый костюм Фэнси Белл у нее нашлась легкая добрая улыбка. Бесхитростное создание, которое человек, имеющий опыт и такт в расспросах, может читать, словно открытую книгу. Мисс Сильвер не сомневалась, что если Фэнси Белл что-то известно, скоро это станет известно и ей. А что касается мистера Карра – что ж, сейчас ее главной целью был не он.

Для Риетты время шло одновременно и медленно, и слишком быстро. Поскольку Карр и Фэнси вызвались помыть посуду, она не могла больше рассчитывать на то, что разговор удастся отложить. Она оказалась в гостиной наедине с мисс Сильвер, которая, похоже, чувствовала себя там как дома. Она сняла горжетку и пальто, под которым оказалось серовато-зеленое шерстяное платье с необычной мелкой вышивкой спереди. Ее любимая брошь, резная роза из черного мореного дуба с ирландской жемчужиной в середине, служила застежкой на вороте, который она слегка оттягивала вниз. Слева на платье была красивая золотая цепочка,

на ней висело пенсне для чтения мелкого шрифта и при плохом освещении. Объемистая черная сумка лежала открытой на полу у ее ног, служа корзинкой для клубка светло-голубой шерсти, из которой она вязала уютный жакетик и штанишки для маленькой Джозефин – дочери ее племянницы Этель Беркетт. Руки она держала почти на коленях, работая спицами на континентальный манер, как их с Сесилией еще в школе научила учительница-немка фрейлейн Штейн. Главное преимущество этого способа вязания в том, что при нем почти невозможно потерять петлю, и, следовательно, не нужно все время смотреть ни на руки, ни на работу. Мисс Сильвер изредка бросала взгляд на быстро шелкавшие спицы и становившуюся все длиннее полосу голубых ниток. Она спокойно посмотрела на хозяйку дома и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.